

ЗАПРЕТНАЯ НЕВЕСТА

для горца

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

L KRIS 18+

L Kris

Запретная невеста для горца

«Автор»

2026

Kris L.

Запретная невеста для горца / L. Kris — «Автор», 2026

Он поймал меня в аэропорту, когда я пыталась сбежать от навязанной свадьбы.— Куда намылилась, Зарина? — раздается за моей спиной хриплый мужской голос.— Не твое дело, Шамиль.— Очень даже мое. Ты — невеста моего брата.— Я никому не невеста! Меня не спрашивали! Он хватает меня за руку, тащит к машине. Я дергаюсь, но его хватка железная.— Отпусти! Я расскажу всем!— Что расскажешь? — он наклоняется так близко, что я чувствую его дыхание. — Что пыталась сбежать с поддельным паспортом? — Лучше сбежать, чем выходить замуж за твоего братика-мажора! Его глаза темнеют.— Закрой рот и готовься к свадьбе. А до этого времени я буду тебя охранять. Лично.— Я тебя ненавижу.— Взаимно, красавица.

© Kris L., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Кавказская история любви	5
Глава 1.	6
Глава 2.	11
Глава 3.	15
Глава 4.	21
Глава 5.	26
Глава 6.	33
Глава 7.	40
Глава 8.	46
Глава 9.	51
Глава 10.	55
Гл	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Запретная невеста для горца

Кавказская история любви

Что будет, когда старший брат жениха станет искушением? Когда долг столкнется с запретным желанием? И что делать, если сердце выбирает не того брата? Современный роман о страсти, традициях и праве выбирать свою судьбу Запретная любовь между невестой и братом жениха.

Только для читателей 18+!

Глава 1.

Шамиль.

Телефон разрывается от звонка в восемь утра субботы. Я знаю, кто это, еще до того, как вижу имя на экране. Отец звонит только по делу, и только когда дело срочное.

— Слушаю, — бросаю я, не скрывая раздражения.

— Шамиль, у нас проблема, — голос отца жесткий, как всегда, когда речь идет о чести семьи. — Невеста Азамата планирует побег.

Я замираю с чашкой кофе на полпути ко рту.

— Что?

— Ты меня прекрасно расслышал. Девчонка купила билет в Москву на сегодня, рейс в одиннадцать. Мои люди доложили час назад.

Я ставлю чашку на стол с таким грохотом, что кофе расплескивается.

— И что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Поезжай в аэропорт. Перехвати ее. Привези в родительский дом и немного припугни, чтобы таких номеров больше не устраивала.

— А Азамат в курсе? — откровенно усмехаюсь, говоря о брате. — Или он опять слишком занят, чтобы следить за своей невестой?

— У него сессия, — отец игнорирует мою насмешку. — Ты знаешь, он в Европе.

Я откровенно смеюсь:

— Сессия? Отец, мы оба знаем, что Азамат сейчас либо в постели очередной девицы, либо в клубе спускает твои деньги. Какая, на хрен, сессия?

— Шамиль! — голос отца становится стальным.

— Да что за бред вообще! — я взрываюсь, вставая из-за стола. — На кой черт вообще был этот договор? Азамату эта свадьба не нужна! Он как был бродягой, который бегают по девкам, так и останется. Только девчонке жизнь испортит! Да и она сама своим поведением показывает, что не хочет замуж. Какое на дворе тысячелетие, а? Средневековье?

— Хватит, — рявкает отец. — Это дело чести. Я дал слово. Наши семьи договорились еще до рождения этой девчонки. Я не стану портить отношения со старинным другом из-за капризов избалованной девчонки.

— Она не избалованная! — я сам не знаю, почему защищаю Зарину. — Она просто хочет жить своей жизнью. Учиться. Выбирать самой.

— Выбор был сделан за нее. Как и положено. Ты поезжай в аэропорт. Сейчас же. Рейс в одиннадцать, «Аэрофлот», Москва. Люди ждут твоего звонка. Девчонку нужно вернуть тихо, без скандала. Привезешь к родителям, скажешь, что встретил случайно. Они о побеге пока не знают.

— А если я откажусь?

Пауза. Долгая, тяжелая.

— Ты не откажешься, — в голосе отца появляется что-то опасное. — Потому что ты мой старший сын. Потому что ты знаешь, что такое честь семьи. И потому что ты тоже виноват в этой ситуации.

— Я?! — у меня сжимаются челюсти.

— Если бы ты тогда не отказался от нее, мы бы не имели сейчас этих проблем. Ты первым должен был на ней жениться.

— Потому что ей было тринадцать! Тринадцать, блять, лет! Ребенок!

— Ты бы подождал пару лет...

— Я не женюсь на детях! — я с силой провожу рукой по волосам. — Эта традиция — дикость.

— Но традиция, — отец произносит это так, будто дискуссия окончена. — Поезжай. Привези девочку. И присматривай за ней до свадьбы. Раз Азамата нет, ты будешь ответственен.

— Что?! Какого...

Гудки. Он повесил трубку.

Я стою посреди своей кухни в пентхаусе с видом на горы и чувствую, как ярость смешивается с чем-то еще. Бессилием? Виной?

Черт.

Еду в аэропорт, сжимая руль так, что белеют костяшки пальцев. Обзываю себя последними словами. Тридцать два года, владею компанией с оборотом в миллиарды, живу сам по себе уже больше десяти лет, но до сих пор не могу послушаться отца.

Традиции. Честь. Семья.

Эти слова вбивали мне в голову с детства.

А еще я злюсь на эту чертову девочку. Зарина. Из-за ее тупости мне теперь придется играть в няньку. Почему, блин, нельзя было просто согласиться? Выйти замуж, получить безбедную жизнь, делать что хочешь — Азамат точно не станет контролировать жену, он и сам гуляет направо и налево.

Но нет, надо устроить побег. В Москву. Как в дешевом сериале.

Паркуюсь у терминала и иду внутрь, набирая номер «людей отца». Они быстро сообщают, где она — зона ожидания, третий этаж, у окна.

Поднимаюсь по эскалатору, оглядывая толпу. И вижу ее.

Стоп. *Ух ты.*

Я замираю, не веря своим глазам.

Та самая тринадцатилетняя девочка с косичками, которую мне когда-то хотели навязать в жены... Черт, она выросла. И как.

Зарина стоит у панорамного окна спиной ко мне. Стильные широкие джинсы идеально сидят на ее фигуре, кожаная серая куртка подчеркивает тонкую талию. На голове — светлый платок, как и положено мусульманке, но даже он не скрывает, что девушка знает толк в стиле. Рядом небольшой чемодан.

Она смотрит в окно на взлетную полосу, и я вижу ее профиль. Точеные черты лица, высокие скулы, серые глаза. Черт возьми, она реально красивая.

И судя по тому, как напряжена ее спина, с характером.

Я медленно подхожу сзади, останавливаясь в паре шагов. Она что-то печатает в телефоне.

— Куда намылилась? — говорю я низким голосом.

Она вздрагивает, резко разворачивается. Ее серые глаза распахиваются от неожиданности, потом сужаются, когда она узнает меня.

— Шамиль? — в ее голосе смесь шока и злости. — Что ты здесь делаешь?

— Вопрос лучше адресовать тебе, — я скрещиваю руки на груди, оглядывая ее с ног до головы. — Собралась в отпуск? Или все-таки в побег?

Она бледнеет, потом краснеет.

— Это не твое дело.

— Очень даже мое, — я делаю шаг вперед. — Ты невеста моего брата. И мой отец поручил мне... присмотреть за тобой.

— Что?! — она отступает, сжимая телефон. — Какое право ты имеешь...

— Все права, красавица, — я усмехаюсь, хотя мне совсем не весело. — Давай. Едем домой.

— Я никуда с тобой не поеду! — она вскидывает подбородок, и меня поражает огонь в ее взгляде. — У меня билет на самолет!

— Который ты купила на поддельный паспорт, — я качаю головой. — Думаешь, мы не узнали?

Она опять бледнеет.

— Ты... следил за мной?

— Не я лично. Но да, за тобой следят. Ты невеста Алиева. Думала, тебя просто так отпустят?

— Я не какая-то собственность! — ее голос повышается, и несколько людей оборачиваются. — Меня никто не спрашивал, согласна ли я!

— Тише, — предупреждаю я. — Не устраивай сцену.

— Или что? — она смеется, но смех этот истеричный. — Что ты сделаешь? Скрутишь меня? Понесешь на руках через весь аэропорт?

Я делаю еще шаг, нависая над ней. Она маленькая, едва доходит мне до плеча, но держится так, будто готова со мной драться.

— Послушай меня внимательно, Зарина, — я наклоняюсь ближе, и она непроизвольно отступает. — Ты сейчас возьмешь свой чемодан, и мы спокойно выйдем отсюда. Я отвезу тебя домой, к родителям. Они пока не знают о твоей попытке побега. И если ты будешь умной девочкой, так и останутся в неведении.

— А если я закричу? — она сжимает кулаки. — Позову охрану? Скажу, что какой-то незнакомец меня преследует?

— Попробуй, — я усмехаюсь. — У меня здесь свои люди. А твои родители получают звонок через пять минут. Представляешь, какой скандал? Дочь пыталась сбежать перед свадьбой. Позор на всю общину.

Ее глаза наполняются слезами, но она яростно моргает, не давая им пролиться.

— Я тебя ненавижу, — шипит она.

— Взаимно, дорогая, — отвечаю я, хотя это странная ложь. — Пошли.

Я беру ее под локоть — крепко, но не больно. Она дергается, пытаясь вырваться.

— Отпусти!

— Когда дойдем до машины, — я тащу ее к выходу, подхватывая второй рукой ее чемодан.

Она идет рядом, и я чувствую, как дрожит ее рука под моими пальцами. От злости или страха — не знаю.

— Я всем расскажу, — бросает она. — Родителям, Азамату. Всем скажу, что ты меня насильно увез.

— Давай, — я открываю дверь машины, усаживаю ее на переднее сиденье. — Только сначала объясни, зачем ты пыталась сбежать. И куда. С поддельными документами.

Захлопываю дверь, обхожу машину, сажусь за руль. Зарина сидит, уставившись в лобовое стекло, сжав руки в кулаки.

Выезжаю с парковки. Пару минут едем в тишине. Потом она не выдерживает.

— Ты не имел права, — голос дрожит.

— Имел.

— Я не хочу замуж за Азамата!

— Поздно. Договор есть договор.

— Какой, блять, договор?! — она разворачивается ко мне, и в ее глазах ярость. — Меня никто не спрашивал! Я не какая-то средневековая вещь, которую можно продавать!

— Никто тебя не продает, — я сжимаю руль сильнее. — Это традиция. Наши семьи...

— К черту ваши традиции! — до хрипоты орет девушка, срывая голос. — Мне восемнадцать! Я только школу закончила! Я хочу в университет! Хочу учиться, жить, путешествовать! А не быть женой какого-то мажора, который меня даже не знает!

— Азамат не такой уж...

— Азамат — придурок! — она смеется зло. — Мы виделись три раза в жизни! Три! И каждый раз он смотрел на меня так, будто я мебель! Ему плевать на меня! Ему плевать на эту свадьбу! Он женится, потому что папочка велел!

Я не могу с этим спорить, потому что она права.

— Тем не менее...

— Тем не менее что?! — она развернулась ко мне всем телом. — Ты такой же! Ты тоже делаешь это, потому что папочка велел! Тебе что, нечем заняться? Нет своей жизни? Так тебе тоже надо портить мою?

— Слушай, девочка, — я резко поворачиваю голову, и наши взгляды встречаются. — Мне эта ситуация нравится не больше, чем тебе. Но я не могу послушаться отца. Понимаешь? Не могу!

— Почему?! — она почти плачет. — Ты взрослый! Успешный! У тебя своя жизнь! Почему ты не можешь сказать «нет»?

Я резко тормозу на обочине, разворачиваюсь к ней. Моё лицо в нескольких сантиметрах от ее.

— Потому что так работает моя семья! Потому что есть вещи, которые ты не понимаешь! Честь, традиции, обязательства!

— Чушь! — ее голос срывается. — Это все чушь! Оправдания для трусов!

— Что ты сказала? — я хватаю ее за подбородок, заставляя смотреть на меня.

Она не отводит взгляда. Серые глаза полны слез, но и ярости не меньше.

— Я сказала, что ты трус, Шамиль Алиев. Прячешься за традициями, а сам просто боишься идти против семьи.

Ее слова попадают в цель, как нож. Потому что в них есть доля правды.

Я отпускаю ее, отстраняюсь.

— А ты, — говорю медленно, — просто избалованная девчонка, которая думает, что мир вращается вокруг нее. Добро пожаловать в реальность, Зарина. Не всегда мы получаем то, что хотим.

— Это несправедливо, — шепчет она, и одна слеза все-таки скатывается по ее щеке.

Черт.

Я завожу машину, не глядя на нее. Сердце колотится так, будто я пробежал марафон.

— Жизнь несправедлива, — бросаю я. — Привыкай.

Остаток пути проходит в тяжелом молчании. Я вижу боковым зрением, как она смахивает слезы, как сжимает руки, как смотрит в окно.

И чувствую себя последним ублюдком.

Но что я могу сделать?

Я же сам в этой клетке. Золотой, дорогой, но все равно клетке.

Подъезжая к дому Гаджиевых, я бросаю:

— Слушай меня внимательно. Сейчас ты выйдешь из машины, улыбнешься родителям и скажешь, что мы случайно встретились. Никаких побегов, никаких билетов в Москву. Понятно?

— А если я откажусь?

— Тогда я расскажу твоему отцу все. И поверь, последствия будут куда хуже, чем просто разговор.

Она смотрит на меня долгим взглядом.

— Я тебя ненавижу, — повторяет она.

— Я знаю, — отвечаю я. — Пошли.

Выхожу из машины, обхожу, открываю ей дверь. Она не двигается.

— Зарина, — предупреждаю я.

Она медленно выходит, при этом нарочно наступает мне на ногу каблуком. Больно, зараза.

Я сжимаю челюсти, беру ее чемодан и иду к дому.

И чувствую на себе ее взгляд, полный ненависти.

Что ж, красавица.

Ненависть — это тоже чувство.

И мне кажется, впереди нас ждет очень интересное время.

Глава 2.

Зарина.

Входная дверь закрывается за мной с таким грохотом, что я вздрагиваю. Шамиль уже уехал, даже не попрощавшись. Просто затащил чемодан в прихожую, бросил на меня последний тяжелый взгляд и ушел.

А я стою, прислонившись спиной к двери, и пытаюсь унять дрожь в руках.

Черт. Черт. Черт.

Все рухнуло. Все мои планы, надежды, мечты — все разбилось о железную хватку этого чертового горца.

— Зарина? Дочка, это ты? — голос мамы доносится с кухни.

Я быстро хватаю чемодан, тащу его к лестнице. Нужно спрятать. Если мама увидит...

— Да, мама, я! — кричу я, стараясь, чтобы голос звучал нормально. — Сейчас приду!

Слава Богу, отца нет дома. Он на работе до вечера. У меня есть время собраться с мыслями, придумать хоть какой-то план.

Втаскиваю чемодан в свою комнату, запикиваю в шкаф. Руки трясутся. Сердце колотится так, будто я пробежала марафон.

Смотрю на себя в зеркало. Бледное лицо, красные глаза. Платок сбился набок. Я быстро поправляю его, умываюсь холодной водой, щиплю себя за щеки, чтобы вернуть цвет.

Нужно быть нормальной. Спокойной. Мама не должна ничего заподозрить.

Спускаюсь на кухню. Мама возится у плиты — что-то варит, помешивая большой ложкой. Запах специй наполняет дом.

— Привет, мама, — я целую ее в щеку.

Она оборачивается, улыбается.

— Где ты была, дочка? Ушла рано утром.

— Гуляла, — я пожимаю плечами. — С подругами встречалась. В последний раз перед... — я не могу договорить.

Перед свадьбой.

Мама гладит меня по голове.

— Ты волнуешься. Это нормально. Все невесты волнуются.

Я хочу закричать, что я не просто волнуюсь, что я в отчаянии, что хочу сбежать куда глаза глядят. Но вместо этого киваю, и поднимаюсь в свою комнату.

Закрываю дверь, падаю на кровать лицом в подушку, и позволяю себе зареветь. Тихо, чтобы мама не услышала. Слезы текут и текут, вымывая остатки надежды.

У меня был план. Совершенный план. Москва, университет, свобода.

А теперь?

Теперь я снова здесь. В этом доме. В этой клетке.

И Шамиль... черт бы его побрал.

Я ненавижу его. Ненавижу за то, что он поймал меня. За то, что тащил через аэропорт, как какую-то преступницу. За то, как смотрел на меня — этим тяжелым, обжигающим взглядом.

За то, что когда он был так близко в машине, я не могла дышать.

Нет. Стоп. Это неправильные мысли.

Хватаю телефон, набираю Лейлу. Моя лучшая подруга со школы. Единственная, кто знает о моей попытке побега.

Она отвечает после третьего гудка.

— Зарина! Ну что?! Ты в Москве?! — голос полон энтузиазма.

И я снова начинаю плакать.

— Зар? Зарина, что случилось?

— Не получилось, — всхлипываю я. — Меня... меня поймали.

— Что?! Как?!

— Отец Азамата. У него, оказывается, везде люди. Они узнали про билет. Прислали за мной старшего брата. Он... он перехватил меня в аэропорту.

— Твою мать, — Лейла ругается, и я почти улыбаюсь сквозь слезы. Она всегда такая. — И что теперь?

— Не знаю, — я вытираю нос рукавом. — Лейла, я в западне. Свадьба через месяц. Я не могу... я не хочу...

— Зар, слушай, — голос подруги становится мягче. — Может, поговоришь с родителями? Объяснишь, что не хочешь?

— Ты думаешь, я не пробовала? Для них это дело чести. Договор двух семей. Традиции.

— К черту традиции! — взрывается Лейла. — Мы в двадцать первом веке!

— Попробуй объяснить это моим родителям, — я горько смеюсь.

Пауза.

— А как сам Азамат? — спрашивает Лейла. — Может, он не хочет жениться?

— Ему плевать. Он в Европе, живет своей жизнью. Женится, потому что папа велел. Для него я — просто пункт в списке дел.

— Придурок.

— Ага.

Еще одна пауза. Потом Лейла вздыхает:

— Знаешь, у меня новости. Я получила общежитие. В Москве. Переезжаю через неделю. Мое сердце сжимается.

— Это... это здорово, Лейла. Правда. Я рада за тебя.

И я действительно рада. Но боль от того, что это должна была быть и моя жизнь, почти невыносима.

— Зар...

— Все нормально, — перебиваю я. — Seriously. Ты заслужила это. Юридический факультет МГУ — это круто.

— Я буду навещать тебя, — клянется Лейла. — И ты приедешь ко мне. Скажешь мужу, что едешь к подруге, и приедешь. Мы будем гулять по Москве, ходить в музеи...

— Лейла, — я усмехаюсь сквозь слезы. — Ты думаешь, меня вообще отпустят куда-то?

Она замолкает, потому что мы обе знаем ответ.

Мы болтаем еще немного. Она рассказывает о подготовке к переезду, о том, как волнуется. Я слушаю, представляя, что это моя жизнь, что это я собираю чемоданы, что это я еду в Москву.

Но когда звонок заканчивается, реальность падает на меня, как тяжелый камень.

Это не моя жизнь.

Моя жизнь — это свадьба с незнакомцем. Это жизнь в золотой клетке. Это конец всех мечтаний.

Вечером, за ужином, пытаюсь еще раз.

Отец еще не пришел с работы. Только я и мама. Сидим на кухне, едим мамин суп. Яковыряю ложкой, не в силах проглотить ни кусочка.

— Мама, — начинаю я тихо.

— М?

— Я... я не хочу выходить замуж.

Ложка замирает на полпути ко рту. Мама медленно опускает ее, смотрит на меня.

— Зарина...

— Пожалуйста, — я пытаюсь удержать слезы. — Я знаю, что есть договор. Знаю про традиции. Но мама, я не люблю Азамата. Я даже не знаю его!

— Любовь придет, — говорит мама мягко. — После свадьбы.

— А если нет?

— Придет, — она накрывает мою руку своей. — Зарина, дочка. Я понимаю, что ты боишься. Все девушки боятся перед свадьбой. Но это нормально. Это правильно.

— Правильно?! — я выдергиваю руку. — Что правильного в том, чтобы выдавать меня замуж, как в средневековье?!

— Не говори так, — голос мамы становится тверже. — Это традиция. Это то, как делалось всегда.

— Ты тоже так выходила замуж? — спрашиваю я. — За папу?

Она кивает.

— Да. Наши родители договорились, когда мне было шестнадцать. В восемнадцать я вышла за твоего отца. Я тоже не знала его. Тоже боялась.

— И?

— И сейчас мы вместе двадцать лет, — она улыбается. — У нас прекрасная семья. Ты. Твой брат. Хороший дом. Любовь пришла со временем.

— Но у вас был выбор? — настаиваю я. — Вы могли отказаться?

Мама отводит взгляд.

— Отказ не был вариантом. И для тебя тоже. Договор, есть договор, Зарина. Алиевы — уважаемая семья. Твой отец дал слово.

— Мое слово никого не волнует?

— Ты еще ребенок, — говорит она. — Не понимаешь, что для тебя лучше.

— Мне восемнадцать! — я вскакиваю из-за стола. — Я не ребенок!

— Зарина, сядь, — командует мама, и в ее голосе появляется сталь.

Я сажусь, но внутри все кипит.

— Послушай, — мама вздыхает. — Азамат — хороший мальчик. Из богатой семьи. Ты будешь ни в чем не нуждаться. У тебя будет прекрасная жизнь.

— Прекрасная клетка, — бормочу я.

— Что?

— Ничего.

Мама качает головой.

— Хватит капризов. Подготовка к свадьбе идет полным ходом. Через месяц ты станешь женой Азамата Алиева. И это последнее слово.

Она встает, начинает убирать со стола. Разговор окончен.

А я сижу, чувствуя, как стены смыкаются вокруг меня.

Отец приходит поздно вечером. Я уже в своей комнате, лежу на кровати, уставившись в потолок.

Слышу, как внизу хлопает дверь. Голоса родителей. Потом шаги по лестнице.

Стук в мою дверь.

— Зарина, — голос отца. — Мне нужно поговорить с тобой.

Я медленно встаю, открываю дверь. Отец стоит с серьезным лицом.

— Проходи, пап.

Он входит, садится на край кровати. Я остаюсь стоять.

— У меня новость, — говорит он.

Мое сердце замирает.

— Какая?

— Я разговаривал с Омаром Алиевым. Отцом Азамата. Мы решили перенести свадьбу.

На секунду в моей груди вспыхивает надежда. Может, они передумали? Может, решили подождать?

— На когда? — спрашиваю я, боясь поверить.

— На две недели раньше, — отвечает отец.

Мир рушится.

— Что?! — я хватаюсь за спинку стула. — Но... но почему?!

— Азамат заканчивает учебу раньше, чем планировалось. Решил вернуться в Дагестан. Омар считает, что лучше провести свадьбу пока он здесь, а не ждать еще месяц.

— Но две недели... — я не могу дышать. — У меня даже платья нет...

— Твоя мама все организует, — отец машет рукой. — Не волнуйся об этом.

— Не волнуйся?! — я почти кричу. — Папа, я не готова! Мне нужно время!

— Времени достаточно, — его голос становится жестче. — Зарина, прекрати. Ты выходишь замуж. Через две недели. Это решено.

— Но...

— Никаких «но», — он встает. — И еще. Шамиль Алиев будет присматривать за тобой до свадьбы. От имени семьи жениха.

Я замираю.

— Что?

— Старший сын Алиевых. Он будет... сопровождать тебя. Следить, чтобы ты не делала глупостей.

Образ Шамиля всплывает в моей голове. Его темные глаза. Железная хватка. Голос, от которого по коже бегут мурашки.

— Нет, — шепчу я. — Только не это.

— Это не обсуждается, — отец направляется к двери. — Спокойной ночи, Зарина.

Дверь закрывается.

А я стою посреди комнаты, и мир кружится вокруг.

Две недели.

У меня всего две недели до свадьбы.

И Шамиль Алиев будет держать меня на коротком поводке.

Я медленно сползаю по стене, обхватываю колени руками.

И впервые за весь день позволяю себе по-настоящему испугаться.

Глава 3.

Зарина.

Утро начинается со звонка.

Я сплю, когда телефон взрывается трелью. Тянусь к нему, не открывая глаз. Незнакомый номер.

— Аллю? — сонно бормочу себе под нос.

— Подъем, красавица. У нас дела.

Голос Шамиля.

Низкий, бархатный, с утра особенно раздражающий.

Я резко сажусь в кровати.

— Какого...

— За чем?!

— За золотом. Для невесты. Традиция, если ты забыла.

— Мне не нужно твое золото, — огрызаюсь я.

— Мне тоже не нужно тебя возить по ювелирным, — парирует он. — Но отцы решили. Так что одевайся. И кстати, надень что-то приличное.

— Что?!

— Мы идем в публичное место. Не хочу, чтобы ты выглядела как взбунтовавшийся подросток.

— Иди к...

Он уже повесил трубку.

Я смотрю на телефон, испытывая острое желание швырнуть его в стену. Вместо этого падаю обратно на подушку, и издаю задушенный вопль.

Шамиль. Чертов. Алиев.

Прошло два дня с того кошмара в аэропорту. Два дня, которые я провела, запершись в комнате, игнорируя жалостливые взгляды мамы и ее уговоры успокоиться.

А теперь мне нужно ехать с ним за золотом.

За проклятым махром, который символизирует, что я — чья-то собственность.

Я встаю, иду в душ. Включаю воду настолько горячую, насколько могу выдержать. Пытаюсь смыть эту тяжесть с плеч. Не получается.

Потом стою перед шкафом и смотрю на одежду.

«Надень что-то приличное», — передразниваю его голос.

Как будто я обычно хожу в чем-то неприличном.

Выбираю черные широкие джинсы, белую блузку и длинный бежевый кардиган. Платок повязываю аккуратно. Минимум макияжа. Смотрю на себя в зеркало, и вижу незнакомку. Покорную. Правильную. Невесту. Самой тошно стало.

Он паркуется перед нашим домом ровно через час. Я вижу его черный «Мерседес» из окна и мысленно готовлюсь к бою.

Спускаюсь вниз. Мама перехватывает меня у двери.

— Ты куда?

— Шамиль Алиев приехал. Едем за махром.

Лицо мамы расплывается в улыбке.

— О, как прекрасно! Он такой ответственный молодой человек. Жаль, что не он женится на тебе, — она вздыхает мечтательно.

Я застываю.

— Что?

— Ну, Шамиль — старший. Серьезный. Успешный. А Азамат... — она качает головой.
— Впрочем, договор, есть договор.

Она похлопывает меня по щеке, и исчезает на кухне.

А я стою, переваривая ее слова.

«Жаль, что не он женится на тебе».

Что за чушь она несет?

Выхожу из дома. Шамиль стоит, прислонившись к машине, в темно-синем костюме без галстука, с расстегнутыми двумя верхними пуговицами рубашки. Волосы чуть растрепаны. Он смотрит в телефон, что-то печатает.

Когда я подхожу ближе, он поднимает взгляд.

И я замечаю, как его глаза на секунду задерживаются на мне. Оценивающе. Медленно скользят сверху вниз.

— Более-менее прилично, — бросает он, открывая мне дверь.

— Спасибо за комплимент, — фыркаю, садясь в машину.

Он обходит машину, садится за руль. Запах его одеколona наполняет салон. Что-то древесное, с нотками цитрусов. Дорого. Мужественно.

Черт.

— Куда едем? — спрашиваю я, пристегивая ремень.

— В «Алмаз». Лучший ювелирный в городе.

— Конечно, только самое лучшее, — бормочу я.

— Проблемы? — он поворачивает голову, одна бровь приподнята.

— Да полно проблем! — взрываюсь в ответ. — Во-первых, мне это золото не нужно. Во-вторых, я не хочу замуж. В-третьих, меня бесит, что ты играешь в надзирателя!

— Во-первых, — передразнивает он мой тон, и я хочу его ударить, — золото нужно по традиции. Во-вторых, твое нежелание никого не волнует. В-третьих, я сам не в восторге от роли твоей няньки, поверь.

— Тогда почему согласился?

Он молчит, сжимая руль. Челюсть напряжена.

— Потому что таковы правила в моей семье, — наконец говорит он.

В его голосе что-то такое... горькое. И я вдруг понимаю, что он тоже в клетке. Другой, золотой, но все равно клетке.

Едем в молчании. Я смотрю в окно на проносящийся город. Люди идут по улицам, живут своими жизнями, свободны.

А я еду покупать золото для свадьбы, которой не хочу.

«Алмаз» оказывается огромным салоном в центре города. Сверкающие витрины, охрана у входа, блеск бриллиантов в свете софитов.

Шамиль паркуется, выходит, обходит машину, открывает мне дверь. Протягивает руку.

Я смотрю на нее, потом на него.

— Я сама могу выйти.

— Знаю. Но здесь люди. Камеры. Нужно показывать картинку.

— Какую картинку?

— Что ты — довольная невеста. А я — заботливый... — он запинается.

— Охранник? — подсказываю я ехидно.

— Представитель семьи жениха, — поправляет он.

Я неохотно беру его руку. Его пальцы смыкаются вокруг моих — большие, теплые, сильные. На секунду я чувствую странный разряд. Будто током ударило.

Быстро высвобождаю руку, как только встаю на ноги.

Шамиль усмехается, будто что-то заметил.

Мы входим в салон. Нас сразу встречает менеджер — женщина лет сорока в строгом костюме.

— Господин Алиев! — она расплывается в улыбке. — Какая честь! Проходите, пожалуйста.

Она ведет нас в отдельный зал. Мягкие диваны, столик, шампанское на льду.

— Чай? Кофе? — спрашивает она.

— Чай, — говорит Шамиль, усаживаясь на диван. Широко расставляет ноги, закидывает руку на спинку. Властный. Расслабленный. Уверенный.

Это бесит.

Я сажусь на противоположный край дивана, максимально далеко от него.

Менеджер приносит подносы с украшениями. Золото. Много золота. Цепочки, браслеты, серьги, кольца.

— Что предпочитает невеста? — спрашивает она.

Я смотрю на все это великолепие, и чувствую тошноту.

— Ничего, — говорю я тихо. — Мне ничего не нужно.

Менеджер смущенно смотрит на Шамиля.

— Она стесняется, — невозмутимо врет он, косясь на меня взглядом. — Покажите что-то традиционное. Дагестанскую работу.

Женщина кивает и убегает за новыми подносами.

— Я не стесняюсь, — шиплю, когда мы остаемся одни. — Мне, правда, ничего не нужно.

— Но традиция требует, — он поворачивается ко мне. — Махр — это обязательно. Так что выбирай, или я выберу за тебя.

— Тогда выбирай сам, раз такой умный.

— Хорошо.

Когда менеджер возвращается, Шамиль указывает на несколько комплектов. Массивные золотые украшения с традиционным дагестанским узором.

— Это. И это. И вот это тоже.

— Отличный выбор! — менеджер в восторге. — Примерим на невесту?

Шамиль смотрит на меня.

— Давай.

— Нет, — упираюсь я.

— Зарина, — его голос становится предупреждающим. — Не устраивай сцену.

— А то что? Снова потащишь куда-нибудь?

Его глаза темнеют.

— Не испытывай мое терпение.

Мы смотрим друг на друга. В воздухе повисает напряжение — густое, электрическое.

Менеджер нервно кашляет.

Наконец, я сдаюсь, протягиваю руку. Женщина надевает на меня браслеты. Холодное золото впивается в запястья. Я чувствую себя скованной.

— Прекрасно! — менеджер хлопает в ладоши. — Как раз! А теперь кольцо...

— Не нужно, — резко говорю я.

— Кольцо обязательно, — вмешивается Шамиль.

— Я сказала, не нужно!

Он встает, подходит ко мне. Берет мою руку. Я пытаюсь вырвать, но его хватка крепка.

— Какой размер? — спрашивает он у менеджера, не отпуская меня.

— Сейчас проверим...

Женщина суетится с кольцемером. Шамиль держит мою руку, смотрит мне в глаза. Между нами сантиметры. Я чувствую его дыхание. Тепло его тела.

— Отпусти, — шепчу я.

— Когда выберем кольцо, — хрипло цедит он, отделяя каждый слог.

Его большой палец медленно проводит по внутренней стороне моего запястья. Легко. Почти невесомо. Но я чувствую этот touch как ожог.

Черт.

Менеджер надевает кольцо. Золото с маленьким бриллиантом.

— Подходит идеально!

Шамиль отпускает мою руку, отходит.

— Берем все, — говорит он. — Упакуйте.

Выходим из салона через полчаса. Шамиль несет небольшой пакет с логотипом «Алмаза». Внутри — тысячи долларов золота, которое мне не нужно.

— Голодная? — друг спрашивает он, вполне себе дружелюбным голосом.

Я моргаю, ни хрена не понимая такую резкую смену настроения.

— Что?

— Обед. Ты голодна?

Я хочу сказать «нет» из принципа, но желудок предательски урчит. Не ела с утра.

— Немного, — признаюсь я.

— Знаю одно место. Пошли.

Мы идем по улице. Он рядом, но не касается меня. Просто идет, большой, уверенный. Люди расступаются перед ним. Женщины оглядываются.

И я вдруг ловлю себя на мысли: это странно приятно. Идти с ним.

Что за бред?

— Вот, — он останавливается у небольшого кафе. — Здесь лучший хинкал в городе.

Мы заходим внутрь. Уютное место. Светлое, с национальным колоритом в декоре. Нас усаживают у окна.

Шамиль заказывает без меня — хинкал, пашлык, салаты, чай.

— Я сама могу заказать, — говорю я.

— Могла бы, — он откидывается на спинку стула. — Но зачем, если я уже знаю, что здесь вкусно?

— Самоуверенный.

— Уверенный в себе. Разница есть.

Приносят чай. Я обхватываю ладонями горячий стакан, чувствую, как тепло растекается по пальцам.

— Скажи мне, — начинаю я, прежде чем могу остановиться. — Как ты, который так чтит традиции, гуляешь с незамужней девушкой по магазинам? Потом в кафе тащишь? Это не против ваших святых правил?

Он усмехается. На его губах появляется ленивая улыбка, от которой у меня что-то переворачивается в животе.

— Я представитель семьи жениха. Официально. Все прилично.

— Ага, конечно, — я фыркаю. — Представитель. А если увидит кто-то знакомый? Начнут сплетни.

— Пусть сплетничают, — он пожимает плечами. — Мне плевать.

— Плевать? — я поднимаю бровь. — Тот самый Шамиль Алиев, который два дня назад читал мне лекции о чести семьи?

— Одно не мешает другому, — он наклоняется вперед, локтями на стол. Глаза прищурены. — Честь семьи в том, чтобы ты вышла замуж за моего брата. Все остальное... детали.

— Детали, — повторяю я. — То, что мы сейчас сидим наедине в кафе — детали?

— А что такого? — его голос становится ниже, почти интимным. — Боишься, что про нас подумают что-то пошлое?

Я чувствую, как горят щеки.

— Я не боюсь. Просто странно, что ты...

— Что я? — он усмехается. — Думаешь, я приглашаю всех девочек на обед?

— Откуда мне знать? — огрызаюсь я. — Может быть, у тебя целая коллекция «подшефных невест».

Он смеется. Настоящим, низким смехом, который катится по моей коже волнами.

— Ты первая невеста и, надеюсь, последняя.

Приносят еду. Запах специй наполняет воздух. Желудок настойчиво напоминает о себе.

Я беру вилку, накалываю кусок мяса. Кладу в рот. И закрываю глаза от удовольствия.

Боже, это действительно вкусно.

— Нравится? — спрашивает Шамиль.

— Нормально, — говорю я с набитым ртом.

— Врунья. Ты стонешь от удовольствия.

Я замираю, смотрю на него. Он смотрит в ответ, и в его взгляде что-то... дьявольское.

— Я не стону!

— Стонешь. Тихо, но стонешь. Над едой, — он медленно улыбается. — Интересно, что еще заставляет тебя так реагировать?

Я задыхаюсь.

— Ты... ты это серьезно?!

— Что? — он невинно поднимает бровь. — Я о еде. О чем ты подумала, Зарина?

Черт. Черт. Черт.

Он флиртует. Шамиль чертов Алиев флиртует со мной.

— Ты невозможный, — бормочу я, уставившись в тарелку.

— Говорят, что да, — он кусает шашлык, и я не могу не заметить, как движутся его губы.

— Но ты держишься хорошо.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что за два дня многие бы сломались. А ты все еще огрызаешься. Борешься. Это...

Он замолкает.

— Это что?

Он смотрит на меня долгим взглядом.

— Достоин уважения, — наконец говорит он.

Что-то теплое растекается в моей груди. Я пытаюсь игнорировать это чувство.

— Не пытайся мне льстить. Не работает.

— Я не лъщу. Я констатирую факт.

Мы едим молча. Но тишина эта не неловкая. Странно... комфортная. Я ловлю себя на том, что расслабляюсь. Что перестаю сжимать кулаки под столом.

И это пугает.

Потому что с Шамилем не должно быть комфортно. Он же... он же враг. Тюремщик. Тот, кто разрушил мой план побега.

Но когда он смеется над моей шуткой про официанта. Когда передает мне салфетку, когда я проливаю чай. Когда смотрит на меня этим взглядом, в котором есть что-то большее, чем просто обязанность...

Я начинаю забывать, почему должна его ненавидеть.

И это самое страшное.

Он везет меня домой, когда солнце уже клонится к закату. Я сижу, глядя в окно, чувствую странную опустошенность.

День был... неожиданный. Я думала, будет хуже. Думала, буду ненавидеть каждую секунду.

Но нет.

Было почти... хорошо.

И это неправильно.

— Спасибо за обед, — говорю я тихо, когда он паркуется у моего дома.

— Не за что, — он оборачивается ко мне. — Зарина...

— Да?

Он открывает рот. Закрывает. Качает головой.

— Неважно. Спокойной ночи.

Я выхожу из машины, иду к дому. У двери оборачиваюсь. Он все еще сидит в машине, смотрит на меня.

Мы смотрим друг на друга через вечерние сумерки.

И я чувствую, как что-то меняется.

Что-то опасное. Запретное.

Что-то, что может разрушить все на своем пути.

Я резко разворачиваюсь и вхожу в дом, закрывая дверь за собой.

Прислоняюсь к ней спиной, закрываю глаза.

Чувствую на запястье тяжесть золотых браслетов. Знак моей несвободы.

Но самое страшное — я чувствую на коже след его прикосновения.

И не хочу, чтобы это чувство уходило.

Глава 4.

Шамиль.

Подъезжаю к своему дому, когда темнота уже плотно окутала город. День с Зариной оставил странное послевкусие — смесь раздражения, любопытства и чего-то еще, что я не хочу называть вслух. Как она смеялась в кафе. Как морщила нос, когда я заказал за нее. Как смотрела на золотые браслеты с таким отвращением, будто это змеи, а не украшения.

Чертова девчонка засела в голове.

Нажимаю на пульт, открывая кованые ворота особняка. Мой дом. Мой мир. Единственное место, где я могу быть просто собой, а не старшим сыном Омара Алиева, не владельцем строительной компании, не хранителем семейной чести.

Но когда ворота распахиваются, я вижу фигуру, стоящую у входа. Высокий парень в дорогой куртке, с рюкзаком через плечо. Даже в темноте узнаю эту развязную позу.

Азамат.

Что за хрен?

Въезжаю на территорию, резко тормозу. Выхожу из машины, хлопнув дверью громче, чем нужно. Младший брат поворачивается ко мне, на лице — кривая улыбка.

— О, наконец-то! — говорит он с показной веселостью. — А я уж думал тут ночевать придется. Пульт твой, блять, не работает. Час торчал, как идиот.

Я останавливаюсь в нескольких метрах от него, скрещивая руки на груди. Смотрю на него оценивающе. Помятый. Круги под глазами. Щетина. Явно не спал.

— Не работает, потому что я поменял все датчики, — говорю я холодно. — Два месяца назад. Чтобы в мой дом не было свободного доступа. Никому. Включая родню.

Лицо Азамата темнеет.

— Ты серьезно? Я твой брат!

— Именно поэтому, — парирую я. — Помнишь, как приперся в три ночи с компанией пьяных дружков? Устроили здесь притон, сломали мебель в гостевой? Или когда привел ту девку, которая потом требовала денег за молчание?

— Это было давно...

— Полгода назад, Азамат. Полгода. И я сказал тебе тогда: больше ни ногой в мой дом без приглашения. Хочешь войти — звонишь в домофон. Как все нормальные люди.

Он смеется, но смех злой, натянутый.

— Охренел ты совсем, братишка. Зазнался в своем особняке. Забыл, откуда вылез?

— Оттуда же, откуда и ты, — отвечаю я ровно. — С той разницей, что я зарабатываю своим трудом, а ты до сих пор сидишь на шее у отца.

— Пока учусь...

— Учишься? — я усмехаюсь. — Ты в Европе уже четыре года. Бизнес-школа рассчитана на два. Так что не носи мне чушь про учебу.

Он отводит взгляд, и по этому жесту я понимаю — что-то не так. Что-то очень не так.

— Какого черта ты здесь? — спрашиваю я жестче. — Ты должен быть на сессии. Или она уже закончилась?

Азамат мнется. Переминается с ноги на ногу. И молчание его говорит громче любых слов.

— Азамат, — мой голос становится опасно тихим. — Какого хрена ты делаешь в Махачкале?

— Слушай, — начинает он, и в голосе появляется умоляющая нотка, которую я ненавижу. — Можем зайти внутрь? Поговорить нормально? А?

Я смотрю на него долгим взглядом. Каждый инстинкт кричит: не пускай. Гони его. Он принес проблемы, это видно невооруженным глазом.

Но это мой брат.

Моя кровь.

Моя проклятая обязанность.

— Заходи, — бросаю я наконец, разворачиваясь к двери.

Мы проходим в кухню. Я включаю свет, иду к бару, достаю бутылку виски. Наливаю себе. Азамат смотрит на меня выжидающе.

— Себе наливай сам, — говорю я. — Если хочешь.

Он подходит, наливает себе тоже. Мы стоим по разные стороны кухонного острова — я у плиты, он у барной стойки. Как противники перед боем.

— Рассказывай, — говорю я, делая глоток. — И без вранья.

Азамат делает большой глоток, выдыхает.

— Меня отчисляют.

Тишина. Я ставлю стакан на столешницу очень медленно. Очень аккуратно.

— Что ты сказал?

— Меня отчисляют из университета, — повторяет он, не встречаясь со мной взглядом. — Завалил сессию. Провалил все экзамены. Ну, почти все. И это не первый раз. У них там система троих предупреждений. Это было третье.

Я закрываю глаза, считаю до десяти. Не помогает.

— Ты провалил сессию, — повторяю я медленно. — Сессию, ради которой ты не мог присматривать за своей невестой. Сессию, о которой отец говорил мне вчера, когда приказывал возить Зарину по магазинам.

— Ну... технически я пытался сдать...

— Заткнись, — обрываю я его. — Просто заткнись. Почему ты провалил? Что ты делал вместо учебы?

Азамат пожимает плечами с показным равнодушием, которое меня бесит еще больше.

— Жил. Тусовался. Клубы, бары, девочки. Знаешь, как в Европе. Все так живут.

— Не все вылетают из университета, — бросаю я.

— Да какая разница! — он вдруг взрывается. — Какая, блять, разница, Шамиль?! Это просто бумажка! Диплом! Я куплю его потом, если надо! У меня бизнес налажен! Отец оставит мне долю в компании! Образование — это мелочь!

Я смотрю на него и не узнаю. Это мой брат? Тот мальчишка, которого я учил читать? Который бежал ко мне с разбитыми коленками?

— Мелочь, — повторяю я тихо. — Четыре года учебы в элитном европейском вузе. Сотни тысяч евро, которые отец в тебя вложил. Связи, возможности. Все это — мелочь?

— Ну да! — он допивает виски, наливает еще. — Посмотри на себя! Ты закончил здесь, в Махачкале. И что? Построил империю! Тебе диплом помог?

— Мне помогли мозги, — отвечаю я жестко. — И то, что я работал, как проклятый. По шестнадцать часов в сутки. Без выходных. Без клубов и девочек. А ты? Что ты умеешь, Азамат? Кроме как тратить отцовские деньги?

Его лицо краснеет.

— Ты — высокомерный мудака, знаешь? Всегда таким был! Идеальный старший сын! Весь из себя правильный!

— А ты — избалованный инфантильный придурок, — парирую я. — Которому скоро двадцать пять, а он до сих пор не может отвечать за свои поступки.

Мы смотрим друг на друга через остров. Напряжение в воздухе можно резать ножом.

— Отец знает? — спрашиваю я, наконец.

— Нет, — Азамат отводит взгляд. — Думает, я все еще на сессии. Узнает после свадьбы.

— После свадьбы? — откровенно усмехаюсь. — Охуенный план. Сначала женись, потом расскажи отцу, что тебя выперли из универа. Думаешь, это смягчит удар?

— Ну... может быть, — он мнетя. — Типа, я уже женатый. Ответственный. Создаю семью. Диплом — фигня. Главное — я делаю то, что от меня ждут. Женюсь на Зарине, как договорились. Отец оценит.

Что-то внутри меня взрывается при упоминании Зарины.

— Зарина, — повторяю я, и голос мой становится опасно тихим. — Значит, ты хочешь использовать девушку, как прикрытие для своих косяков?

— Какое прикрытие? — Азамат морщится. — Это договорной брак! Так положено! Я женюсь, потому что семьи договорились!

— И тебе плевать, что она не хочет этого брака, — констатирую я.

Он смотрит на меня, будто я сказал что-то на китайском.

— Что значит, не хочет? Какая разница, чего она хочет?

— Какая разница? — я чувствую, как ярость поднимается волной. — Она человек, Азамат! Ей восемнадцать! У нее есть мечты, планы! Она хочет учиться! Жить своей жизнью!

— Ну, и будет жить, — он пожимает плечами. — В достатке. У меня квартира в центре, деньги будут. Чего еще ей надо?

— Свободы, — говорю я тихо. — Выбора. Права решать самой.

Азамат смеется. Реально смеется.

— Братишка, ты чего? Либералом стал? Мы — дагестанцы. У нас традиции. Девушка выходит замуж за того, за кого родители скажут. Рождает детей. Ведет дом. Это нормально! Так всегда было!

— Это нормально? — я сжимаю стакан так сильно, что удивляюсь, что он не лопнул. — Выдать восемнадцатилетнюю девчонку, которая мечтает об университете, за человека, которому плевать на нее? Это нормально?

— Да! — Азамат ставит свой стакан с грохотом. — Договор есть договор! Наши отцы решили это много лет назад! Я выполняю свою часть! Женюсь! Буду мужем! А она пусть не выпендривается! Будет жить в шоколаде, рождать детей, что ей еще надо?!

Я смотрю на него, и понимаю: он действительно так думает. Для него Зарина — не человек со своими желаниями. Это функция. Жена. Мать его детей. Элемент в договоре между семьями.

И меня от этого понимания буквально тошнит.

— Ты ее хоть видел? — спрашиваю я. — После того, как ей исполнилось восемнадцать?

— Пару раз, — Азамат отмахивается. — На семейных встречах. Ничего, симпатичная. Вполне.

— Вполне, — повторяю я. — Твоя будущая жена — вполне симпатичная.

— А что? — он смотрит на меня непонимающе. — Главное, чтобы не урод была. А остальное... Шамиль, ты чего вообще? Какая тебе разница?

Хороший вопрос.

Какая мне разница?

Я — старший брат, выполняющий отцовский приказ. Присматриваю за невестой младшего до свадьбы. Это моя роль. Моя обязанность.

Но почему тогда, когда я представляю Зарину в руках Азамата, когда думаю о том, как она проведет жизнь с человеком, которому она «вполне симпатична», внутри все сжимается?

Почему я хочу схватить брата за грудки и врезать ему?

Почему образ ее серых глаз, полных отчаяния, преследует меня?

— Мне разницы нет, — говорю я, наконец, и это ложь. — Но я провел с ней весь день. Я вижу, что она несчастна. Я слышу, как она говорит о своих мечтах. И знаешь что? Она прекрасная девушка. Умная. Сильная. С характером. Она заслуживает большего, чем быть просто пунктом в твоём списке обязанностей.

Азамат откидывается на спинку стула, смотрит на меня с насмешкой.

— Ого. А ты, оказывается, проникся. Девчонка тебе глаза отвела?

— Заткнись.

— Не, правда, — он ухмыляется. — Может, тебе надо было на ней жениться? А то отказался тогда. Сказал, что не будешь брать ребенка.

— Ей было тринадцать, — напоминаю я. — И да, я не женюсь на детях. В отличие от некоторых, у меня есть моральные принципы.

— Ну вот, теперь она выросла, — Азамат смеется. — Восемнадцать. Красивая, говоришь. Может, попросишь отца вернуть договор обратно?

Он шутит. Но что-то в его словах отзывается во мне. Что-то опасное.

Я представляю это. Зарина. как моя жена. Просыпается в моей постели. Смеется за моим столом. Спорит со мной по вечерам.

Носит мое имя.

Носит моих детей.

Стоп.

Это неправильные мысли. Совсем неправильные.

— Договор есть договор, — говорю я жестко, больше себе, чем ему. — Ты женишься на ней. Через две недели. И если ты хоть раз обидишь ее...

— Что? — Азамат поднимает бровь. — Что ты сделаешь, братишка?

Хороший вопрос. Что я сделаю?

Прежде чем я успеваю ответить, мой телефон звонит. Незнакомый номер. Я хмурюсь, отвечаю:

— Алло?

— Шамиль Алиев? — мужской голос. Незнакомый. — Меня попросил Омар Магометович связаться с вами.

Один из людей отца.

— Слушаю.

— Касательно девушки. Зарины Гаджиевой. У нас информация, что завтра она планирует встречу. С подругой. В торговом центре «Каспий».

— И? — спрашиваю я, не понимая, к чему это.

— Там будут не только девушки, — голос становится значительным. — Ожидаются парни. Бывшие одноклассники. Компания. Омар Магометович считает, что это... неприемлемо. Для невесты. Гулять по торговому центру с компанией, где есть посторонние мужчины. Я закрываю глаза. Считаю до десяти.

Конечно. Конечно, за ней следят. Прослушивают телефон. Читают переписки. Классическая параноидальная слежка во имя чести семьи.

— И что я должен делать? — спрашиваю я устало.

— Омар Магометович просит вас... присутствовать. Проконтролировать ситуацию. Убедиться, что девушка ведет себя подобающе. Не флиртует. Не общается с мужчинами неприлично. Вы понимаете.

Да. Я понимаю.

Меня хотят превратить в полноценную няньку. Мало того, что я вожу ее по магазинам. Теперь я должен следить за каждым ее шагом. Контролировать, с кем она общается.

Быть тюремщиком.

— Когда и где? — спрашиваю я, потому что выбора нет.

Он дает детали. Завтра, два часа дня, торговый центр.

Я киваю, благодарю, отключаюсь.

Азамат смотрит на меня с любопытством.

— Что случилось?

— Твоя невеста, — говорю я, и в голосе больше раздражения, чем нужно. — Завтра идет в торговый центр с подругой. И с парнями. Одноклассниками. Отец считает, что это неприемлемо. Приказал мне присутствовать.

— И правильно, — кивает Азамат, как будто это само собой разумеющееся. — Она невеста. Не должна тусоваться с парнями. Неприлично.

Я смотрю на него. На его самодовольное лицо. На то, как легко он говорит о контроле над человеком, который ему даже не нравится.

И понимаю: эта свадьба — ошибка.

Огромная, чудовищная ошибка.

— Ладно, я спать, — Азамат встает, потягивается. — Устал с дороги. Гостевая свободна?

— Да, — отвечаю я машинально.

Он хлопает меня по плечу, уходит. Я слышу, как он поднимается по лестнице, как закрывается дверь.

А я остаюсь на кухне один.

Наливаю себе еще виски. Смотрю на золотистую жидкость в стакане.

Завтра мне придется следить за Зариной в торговом центре. Контролировать, с кем она общается. Следить, чтобы она не дай бог не улыбнулась какому-нибудь однокласснику.

Я буду тюремщиком. Надзирателем. Врагом.

И она будет ненавидеть меня еще больше.

Но что меня убивает больше всего — я начинаю ненавидеть себя за эту роль.

Потому что чем больше времени я провожу с ней, тем яснее понимаю: она не должна быть в этой клетке.

Я допиваю виски, выключаю свет, иду в свою комнату.

Ложусь на кровать, смотрю в потолок в темноте.

Завтра я увижу ее снова. В торговом центре. Буду следить за ней, как проклятый шпион.

И мне почему-то от этой мысли одновременно тошно и...приятно.

Потому что увидеть ее — это единственное, чего я сейчас хочу.

Глава 5.

Зарина.

— И я поступила в МГУ! — Лейла сияет, помешивая свой капучино. — Представляешь? Прошла по баллам! Без блата, без денег!

Я улыбаюсь, хотя внутри все сжимается от зависти. Не злой, нет. Просто от понимания того, что это могла быть и моя история.

— Это офигенно, — говорю я искренне. — Правда, Лейла. Ты молодец.

Мы сидим в кафе на третьем этаже торгового центра «Каспий» — я, Лейла и еще пятеро наших бывших одноклассников. Встретились, чтобы отметить окончание школы, обсудить планы на будущее. Вроде как последняя встреча всей компанией, потому что большинство разъедутся по разным городам.

— А я в Питер еду! — Рустам, наш бывший староста, ухмыляется во весь рот. — Политех! На программиста!

— Круто! — хором отзываются остальные.

Я сжимаю чашку с чаем сильнее. Слушаю, как каждый рассказывает о своем поступлении. Алина — медицинский в Москве. Камила — экономический в Казани. Магомед — технический в Петербурге.

Все уезжают. Все начинают новую жизнь.

А я...

— Зарина, а ты? — спрашивает Рустам, и все взгляды обращаются на меня. — Ты же хотела на журфак? Прошла?

Я чувствую, как горло сжимается. Улыбаюсь через силу.

— Я... я в педагогический. Здесь, в Махачкале.

Ложь вылетает легко, отрепетировано. Я готовилась к этому вопросу.

— А, — Лейла смотрит на меня с сочувствием. Она единственная знает правду. — Ну, тоже неплохо. Хоть близко к дому.

— Угу, — я киваю. — Родители хотели, чтобы я не уезжала.

Это не совсем ложь. Родители действительно не хотят, чтобы я уезжала. Правда, причина не в заботе, а в том, что через две недели меня выдают замуж.

Но об этом знать не должен никто.

— Я тоже остаюсь, — вступает Амина, одна из девочек из нашего класса. — Тоже педагогический. Мама сказала, что в другой город девушке не стоит ездить. Неприлично.

— И я здесь, — добавляет Патимат. — На медсестру учиться буду.

Я смотрю на них и понимаю: нас, девочек, которые остаются, четверо из десяти. И всех держит одно — традиции. Родители не пускают. Считают, что девушке не место в другом городе, вдали от семьи.

Но хотя бы им дают учиться. Хотя бы у них есть будущее, пусть и под контролем.

А у меня?

У меня через две недели свадьба с человеком, которого я видела три раза в жизни.

— Кстати, — Камила хихикает, наклоняясь ближе, — за соседним столиком сидит ооочень красивый мужчина. Не смотрите резко!

Конечно, все тут же поворачивают головы.

Я тоже. Машинально.

И замираю.

За соседним столиком, в углу у панорамного окна, сидит Шамиль.

Шамиль. Чертов. Алиев.

В темно-сером костюме, без галстука. Перед ним ноутбук, чашка кофе. Он смотрит в экран, печатает что-то. Выглядит так, будто случайно зашел перекусить между делами.

Но я знаю лучше.

Он следит за мной.

Ярость вспыхивает мгновенно, руки сжимаются в кулаки. Ставлю чашку на стол, потому что боюсь, что разобью ее.

Какого. Хрена.

— Ого, — дышит Амина. — Да он просто секси! Сколько ему? Лет тридцать?

— Больше похоже, — Камила не отрывает взгляда. — Но какой... статный. И костюм явно дорогой.

— Может, подойдем познакомимся? — хихикает Патимат.

— Да вы охренели! — Лейла фыркает. — Он явно не нашего возраста. И вообще, похож на женатого.

Я молчу. Потому что если открою рот, закричу.

Он следит за мной. Сидит здесь, в этом кафе, делает вид, что работает, но на самом деле шпионит. Контролирует. Проверяет, не общаюсь ли я с парнями «неприлично».

Мне хочется подойти и врезать ему. Прямо здесь, на глазах у всех.

Но я сжимаю кулаки под столом, стараясь дышать ровно.

— Зар, ты чего такая бледная? — Лейла наклоняется ко мне. — Тебе плохо?

— Нормально, — выдавливаю я. — Просто жарко здесь.

И в этот момент Шамиль поднимает голову. Наши взгляды встречаются.

Он смотрит на меня секунду. Две. Потом медленно закрывает ноутбук. Встает.

Нет.

Нет, нет, нет.

Он не посмеет.

Но он идет к нашему столику. Уверенной походкой, не торопясь. Все девочки замолкают, следя за ним взглядами.

— Ого, он идет сюда, — шепчет Камила.

Шамиль останавливается у нашего стола. Смотрит на меня. Только на меня. В его темных глазах что-то жесткое. Непреклонное.

— Зарина, — говорит он ровным голосом. — Нам нужно идти.

Тишина.

Все смотрят на меня. Потом на него. Потом снова на меня.

— Ты... ты его знаешь? — выдавливает Лейла.

Я не отвечаю. Смотрю на Шамиля с ненавистью.

— Нет, — говорю я холодно. — Не знаю. Вы ошиблись.

Уголок его губ дергается в усмешке.

— Не ошибся. Ты — Зарина Гаджиева. Невеста моего брата. И ты не должна шляться по торговым центрам с компанией парней.

Мир останавливается.

— Что? — Камила моргает. — Невеста?

— Зарина замужем? — Амина округляет глаза.

— Не замужем, — Шамиль продолжает смотреть на меня, и в его взгляде торжество. — Еще нет. Но через две недели будет. Свадьба уже назначена.

— Заткнись, — шиплю я, чувствуя, как краска заливает лицо. — Заткнись немедленно!

— Зарина, это правда? — спрашивает Рустам, выпучив глаза. — Ты выходишь замуж?

Я не могу ответить. Не могу дышать. Все смотрят на меня — с шоком, удивлением, жалостью.

А Шамиль стоит и смотрит сверху вниз. Победитель.

— И вместо того, чтобы готовиться к свадьбе, — продолжает он невозмутимо, — она сидит в кафе с одноклассниками. Включая парней. Что совершенно неприемлемо для невесты из приличной семьи.

— Ты... ты ублюдок, — я вскакиваю так резко, что стул опрокидывается. — Какое твое дело, где я и с кем?!

— Мое дело, — он скрещивает руки на груди. — Потому что я отвечаю за тебя перед семьей. И если твои родители узнают, что ты гуляешь с парнями...

— Мы просто одноклассники! — кричу я, и люди за соседними столиками оборачиваются. — Мы встретились, чтобы попрощаться! Ничего плохого!

— Для невесты любое общение с посторонними мужчинами — плохо, — отвечает он ровно.

Я хватаю свою сумку, не глядя ни на кого.

— Идите все к черту, — бросаю я и иду к выходу.

Слышу за спиной взрывы голосов:

— Она правда выходит замуж?

— Почему не сказала?

— Кто этот мужик?

Мне плевать. Мне просто плевать. Я иду быстро, почти бегу, пробираясь между столиками.

И слышу тяжелые шаги за спиной.

Он следует за мной.

Конечно, следует.

Выхожу из кафе, иду по галерее торгового центра. Люди расступаются. Я иду быстрее, быстрее, но он не отстает.

— Зарина, — его голос за спиной. — Остановись.

— Отвали! — бросаю я через плечо.

Захожу за угол, где меньше людей. Останавливаюсь резко, разворачиваюсь.

Шамиль догоняет меня через секунду. Останавливается в паре метров.

Мы стоим в узком коридоре между магазинами. Почти никого вокруг.

И я взрываюсь.

— Какого хрена ты там делал?! — кричу я, и плевать, что кто-то может услышать. — Следишь за мной?! Шпионишь?!

— Выполняю поручение отца, — отвечает он невозмутимо. — Контролирую твое поведение.

— Контролируешь?! — я подхожу ближе, тыкаю пальцем ему в грудь. — У тебя нет права контролировать меня! Я не твоя собственность!

— Ты — невеста моего брата. И пока не вышла замуж, ты под моей ответственностью.

— Я под твоей... — я не выдерживаю. Замахиваюсь и бью его кулаком в грудь. Сильно. Изо всех сил.

Он даже не дрогнул.

Я бью снова. И снова. Колочу его кулаками, выплескивая всю ярость, все отчаяние, всю боль.

— Ненавижу! — кричу я между ударами. — Ненавижу тебя! Ненавижу эту свадьбу! Ненавижу все!

Он стоит, принимает удары, не пытаясь остановить меня. Смотрит сверху вниз, и в его глазах что-то темное. Тяжелое.

Наконец я выдыхаюсь. Опускаю руки. Слезы текут по щекам, я даже не заметила, когда начала плакать.

— Закончила? — спрашивает он тихо.

— Да пошел ты! — всхлипываю я.

Он делает шаг вперед, и я инстинктивно отступаю. Спина упираюсь в стену.

Он нависает надо мной — большой, властный, непреклонный.

— Слушай меня внимательно, Зарина, — его голос низкий, опасный. — Если ты не успокоишься прямо сейчас, я позвоню твоему отцу. Расскажу про попытку побега. Про поддельный паспорт. Про билет в Москву.

Я замираю.

— Ты не посмеешь.

— Посмею, — он наклоняется ближе. — И знаешь, что он сделает? Запрет тебя дома. До самой свадьбы. Ты не выйдешь даже во двор. Потому что после такого ты станешь угрозой семейной чести.

— Ты... ублюдок, — шепчу я.

— Может быть, — он отстраняется. — Но мне надоело бегать за тобой. Надоело контролировать. Надоело следить. Так что будь умной девочкой. Веди себя прилично. И может быть, эти две недели до свадьбы не превратятся в тюремное заключение.

— А что я такого сделала?! — взрываюсь я снова. — Я встретила с друзьями! С одноклассниками! Мы просто пили кофе! Я что, теперь не смогу вообще ни с кем общаться?!

— С девушками можешь, — отвечает он. — С парнями — нет.

— Это дикость!

— Это традиция. Невеста не общается с посторонними мужчинами.

— А после свадьбы? — спрашиваю я с вызовом. — Тоже не смогу?

Он смотрит на меня долгим взглядом.

— А это уже как муж решит.

Воздух выбивает из легких. Я смотрю на него, и понимаю: это моя жизнь. Так будет всегда. Контроль. Ограничения. Запреты.

Клетка.

Золотая, комфортная, но клетка.

Слезы льются сильнее. Я вытираю их злыми движениями, но они не останавливаются.

— Я ненавижу эту жизнь, — шепчу я. — Ненавижу все это. Ненавижу вас всех.

Что-то мелькает в его глазах. Что-то похожее на... боль?

Но нет. Мне показалось.

— Пошли, — говорит он. — Отвезу тебя домой.

— Не надо, — я отворачиваюсь. — Я сама доберусь.

— Зарина...

— Оставь меня в покое! — кричу я. — Хоть сейчас! Хоть на пять минут! Дай мне побыть одной!

Он молчит. Потом вздыхает.

— Хорошо. Пять минут. Встретимся на парковке. Уровень три, зона Б. Моя машина там.

Он разворачивается и уходит. Тяжелыми, размеренными шагами.

А я сползаю по стене, обхватываю колени руками и реву. Тихо, чтобы никто не услышал.

Пять минут превращаются в десять. Я не могу заставить себя встать. Сажусь в этом чертовом коридоре, вытираю слезы, пытаюсь собраться.

Телефон вибрирует. Сообщения от Лейлы:

«Мне так жаль...»

Я выключаю телефон. Не могу сейчас. Просто не могу.

Наконец встаю. Иду к эскалатору, спускаюсь на парковку. Уровень три, зона Б.

Вижу его черный Мерседес. Он стоит рядом, прислонившись к машине, смотрит в телефон.

Когда я подхожу, он поднимает голову. Оценивающе смотрит на меня — красные глаза, заплаканное лицо.

— Поехали, — едва слышно бубнит он, открывая мне дверь.

Я сажусь. Он обходит машину, садится за руль. Заводит двигатель.

И мы едем.

Я смотрю в окно, пытаюсь не думать. Не чувствовать. Просто существовать.

Но через несколько минут понимаю: это не дорога к моему дому.

— Куда ты едешь? — спрашиваю я.

— Увидишь.

— Я хочу домой.

— Нет, не хочешь, — он бросает быстрый взгляд на меня. — Ты хочешь куда угодно, только не домой.

Он прав. Черт бы его побрал, но он прав.

Дом — это допрос от мамы. Это подготовка к свадьбе. Это напоминание о том, что через две недели моя жизнь закончится.

— Тогда куда? — спрашиваю я устало.

— В место, где можно успокоиться.

Мы выезжаем из города. Поднимаемся по горной дороге — узкой, извилистой. Вокруг деревья, скалы, обрывы.

И внезапно меня охватывает паника.

— Стой, — говорю я. — Останови машину.

Он не останавливается.

— Стой! — кричу я. — Я не хочу никуда ехать с тобой! Остановись немедленно!

— Зарина, успокойся.

— Не говори мне успокоиться! — я хватаюсь за ручку двери. — Ты куда меня везешь?! В лес?! Убить?!

Он резко тормозит на обочине. Разворачивается ко мне, хватая за руку, которой я тянусь к ручке.

— Послушай меня, — говорит он жестко. — Я не везу тебя убивать. Я везу тебя в место, где ты сможешь успокоиться. Расслабиться. Подышать. Потому что если я отвезу тебя домой в таком состоянии, твоя мать начнет задавать вопросы. И тогда все узнают про встречу с одноклассниками. Понимаешь?

Я смотрю на него. На его темные глаза, в которых нет угрозы. Только... усталость?

— Это самое подходящее место, — добавляет он тише. — Обещаю.

Медленно киваю. Он отпускает мою руку, трогается с места.

Едем еще минут десять. Потом он сворачивает на едва заметную грунтовую дорогу. Машина подпрыгивает на кочках.

И вот мы выезжаем на поляну.

Я ахаю.

Перед нами — небольшая река, бегущая между камнями. Вокруг — горы, покрытые лесом. Деревья шумят на ветру. Солнце пробивается сквозь листву золотыми лучами.

И старая деревянная беседка у воды — покосившаяся, обросшая мхом, но все еще стоящая.

— Где мы? — шепчу я.

— Место, которое я нашел лет десять назад, — он глушит двигатель. — Случайно. Заблудился в горах, наткнулся на эту поляну. С тех пор иногда приезжаю сюда. Когда нужно... подумать.

Он выходит из машины. Я следую за ним.

Воздух здесь чистый, прохладный. Пахнет хвоей и водой. Тишина, нарушаемая только шумом реки и шелестом листьев.

Шамиль идет к беседке, садится на старую скамейку. Я следую за ним осторожно, сажусь на другой конец.

Мы сидим молча. Смотрим на воду.

И странное дело — я действительно начинаю успокаиваться. Слезы высыхают. Дыхание выравнивается.

— Почему ты сюда едешь? — спрашиваю я тихо.

Он молчит долго. Смотрит на реку, и в профиле его лица что-то отрешенное.

— Когда мне было двадцать два, — начинает он, наконец, — отец хотел женить меня на дочери своего друга. Я отказался. Сказал, что не женюсь на ребенке. Что это неправильно.

Он замолкает. Я жду. Понимаю, что он говорит обо мне. Именно Шамиль должен был стать моим мужем, а не Азамат.

— Отец был в ярости. Сказал, что я позорю семью. Что нарушаю традиции. Что я неблагодарный сын. Мы не разговаривали полгода. Он пытался давить, манипулировать, угрожать. Я держался. В итоге он отступил. Но отношения... были испорчены.

Он поворачивается ко мне.

— Я приезжал сюда каждый день тогда. Сидел здесь часами. Пытался понять — прав ли я? Или я действительно эгоист, который думает только о себе?

— И к какому выводу пришел? — спрашиваю я.

— К тому, что некоторые традиции устарели, — отвечает он. — Что люди важнее договоров. Что нельзя жертвовать чужим счастьем ради чести семьи.

Я смотрю на него и вижу что-то новое. Не тюремщика. Не надзирателя. А человека, который тоже боролся. Также восставал.

— Но ты все равно подчинился, — говорю я тихо. — В итоге, делаешь то, что говорит отец. Контролируешь меня. Готовишь к свадьбе с твоим братом.

Он отводит взгляд.

— Не все битвы можно выиграть, — говорит он глухо.

Мы снова замолкаем. Смотрим на воду. И это... странно комфортно. Сидеть здесь, в тишине, с человеком, который должен быть врагом.

— Расскажи мне о себе, — неожиданно говорит он. — О настоящей тебе. Не о невесте. О Зарине.

Я моргаю от удивления.

— Зачем?

— Просто интересно, — он пожимает плечами. — Кто ты? Чего хочешь? О чем мечтаешь?

И я рассказываю. Не знаю почему. Может, потому что здесь, в этом месте, все кажется нереальным. Может, потому что мне просто нужно выговориться.

Рассказываю о любви к книгам. О мечте стать журналистом. О желании путешествовать, видеть мир. О том, как я хочу писать — статьи, истории, может быть, книги.

Он слушает. Не перебивает. Просто слушает.

— А ты? — спрашиваю я. — Кто ты? Не старший сын Алиева. Не глава компании. Просто Шамиль.

Он усмехается.

— Давно меня так не называли. Просто Шамиль.

И рассказывает. О любви к архитектуре. О том, как в детстве строил дома из конструктора. О первом проекте, который реализовал — небольшая школа в горном селе. О мечте построить что-то важное. Значимое. Что переживет его.

Мы говорим о жизни, мечтах, страхах. И я понимаю: он не монстр. Он просто... человек. Запутавшийся между долгом и желаниями. Как и я.

— Шамиль, — говорю я, когда солнце начинает клониться к закату. — Неужели нет выхода?

Он смотрит на меня.

— Какого?

— Избежать свадьбы, — я поворачиваюсь к нему всем телом. — Должен быть способ. Ты же сам говорил, что некоторые традиции устарели. Помоги мне. Пожалуйста. Я на все готова. На что угодно. Только не выходить замуж за Азамата.

Что-то темное пробегает по его лицу.

— Зарина...

— Пожалуйста, — я хватаю его за руку. — Ты единственный, кто может помочь. Ты влиятельный. Уважаемый. Если ты скажешь отцу, что это неправильно...

— Я не могу, — обрывает он. — Договор есть договор. Я не могу его нарушить.

— Почему?!

— Потому что это разрушит все! — он встает резко. — Семью, отношения, репутацию. Это не так просто!

Я встаю тоже. Смотрю на него снизу вверх. И в голову приходит безумная идея.

Опасная. Глупая. Отчаянная.

Но я действительно готова на все.

Делаю шаг вперед. Он смотрит на меня настороженно.

— Что ты...

Я не даю ему договорить. Поднимаюсь на цыпочки, обхватываю руками его шею и целую.

Целую его в губы.

Резко. Неожиданно. Отчаянно.

Он замирает. Абсолютно замирает.

А я висну на его шее, прижимаюсь губами к его губам, и сердце колотится так громко, что я слышу его через весь шум реки.

Что я делаю?

Что я, блять, делаю?

Но я не могу остановиться.

Потому что в этом поцелуе — вся моя отчаяние. Вся надежда. Вся безумная вера в то, что если он почувствует это... он поможет.

Он должен помочь.

Секунда.

Две.

Три.

Шамиль не двигается. Не отвечает на поцелуй. Просто стоит, как статуя.

И я понимаю: я совершила ужасную ошибку.

Глава 6.

Зарина.

Секунда превращается в вечность.

Я висну на его шее, губами прижимаюсь к его губам, и мир сужается до этой точки соприкосновения. Сердце колотится так громко, что заглушает шум реки. Руки дрожат. Дыхание перехватывает.

Шамиль не двигается. Застыл, как статуя. И я понимаю — это ошибка. Огромная, чудовищная ошибка.

Я начинаю отстраняться, готовая провалиться сквозь землю от стыда.

Но в этот момент он оживает.

Его рука взлетает к моей шее, пальцы впиваются в волосы под платком. Другая рука обхватывает мою талию, притягивает меня к себе так резко, что я вскрикиваю прямо ему в губы.

И он целует меня.

По-настоящему.

Жестко. Страстно. Голодно.

Его губы движутся против моих — требовательно, без церемоний, без нежности. Он целует так, будто хочет поглотить меня, стереть в порошок, растворить в себе.

Я задыхаюсь. Это мой первый поцелуй, и он такой... такой...

Не такой, как я представляла.

В книгах всегда пишут о нежности, о мягкости, о том, как губы едва касаются друг друга. Это не то.

Это шторм. Ураган. Пожар.

Его язык проскальзывает в мой рот, и я застываю от шока. Но он не останавливается. Исследует, завоевывает, требует ответа.

И мое тело отвечает само, помимо моей воли.

Я открываю рот шире, впускаю его глубже. Мои руки сжимаются на его шее, пальцы впиваются в короткие волосы на затылке. Я прижимаюсь ближе, чувствую его тело через слои одежды — твердое, горячее, такое мужское.

Странные ощущения разливаются по телу. Что-то горячее и тягучее внизу живота. Покалывание в груди. Слабость в коленях.

Я никогда не чувствовала ничего подобного.

Никогда.

И это пугает. И возбуждает. И сбивает с толку.

Его рука на моей талии скользит ниже, сжимает бедро. Я вскрикиваю в поцелуй, и он усмехается — я чувствую это губами.

Потом он меняет угол, целует глубже, жестче, и мир окончательно переворачивается.

Я даже не понимаю, зачем это сделала. Какой был план. Какая цель.

Сейчас мне плевать.

Сейчас существует только это — его губы на моих, его руки на моем теле, его запах — что-то древесное с нотками. Я тону. Горю. Умираю.

И не хочу останавливаться.

Но через мгновение — или вечность, я уже не различаю время, Шамиль резко отстраняется.

Разрывает поцелуй так же внезапно, как начал.

Его руки сжимают мои плечи, отталкивают меня от себя. Не грубо, но решительно.

Я шатаюсь, делаю шаг назад. Смотрю на него с затуманенным взглядом.

Он стоит в паре метров, тяжело дышит. Грудь вздымается. Волосы растрепаны — это я так сделала? Губы припухшие, влажные.

А глаза... черт, его глаза.

Темные. Горящие. Полные чего-то дикого, первобытного, опасного.

Он смотрит на меня так, будто хочет...

Нет. Я не могу даже подумать об этом.

— Что... — его голос хриплый, сорванный. Он откашливается, пытается снова. — Что ты творишь?

Я облизываю губы — они горят, распухли от его поцелуя — и вижу, как его взгляд прикован к этому движению. Как темнеют его глаза еще больше.

— Я... — начинаю я, но не знаю, что сказать.

Зачем я это сделала?

Ах да. План.

У меня был план.

Отчаянный. Безумный. Но план.

— Я хочу, чтобы ты лишил меня невинности, — выпаливаю я, прежде чем успеваю испугаться собственных слов.

Тишина.

Абсолютная, оглушающая тишина.

Даже река, кажется, перестает шуметь.

Шамиль смотрит на меня так, будто я сказала что-то на марсианском.

— Что? — переспрашивает он медленно.

— Ты слышал, — я поднимаю подбородок, пытаюсь выглядеть увереннее, чем чувствую себя. — Я хочу, чтобы ты переспал со мной. Здесь. Сейчас.

Он моргает. Один раз. Два.

Потом начинает смеяться.

Не добрым смехом. Темным, с оттенком истерики.

— Ты серьезно? — спрашивает он, качая головой. — Ты что, вообще понимаешь, что говоришь?

— Прекрасно понимаю, — отвечаю я, и голос дрожит, но я продолжаю. — Если я потеряю невинность, Азамат не захочет на мне жениться. Он откажется. Свадьба сорвется.

Шамиль перестает смеяться. Смотрит на меня долгим, оценивающим взглядом.

— Ты думала об этом, — констатирует он. — Это не спонтанное решение. У тебя был план.

— Да, — признаюсь я. — Я думала. И это единственный выход, который я вижу.

Он делает шаг вперед. Потом еще один. Останавливается так близко, что я чувствую тепло его тела.

— И ты решила, что я буду тем, кто возьмет твою невинность, — говорит он тихо, и в голосе столько всего — насмешка, гнев, что-то еще, чего я не могу определить. — Почему я?

— Потому что ты здесь, — отвечаю я. — Потому что у меня нет никого другого. Потому что...

Я замолкаю. Потому что не могу сказать правду.

Что когда он целовал меня только что, я чувствовала что-то. Что-то правильное. Что-то, чего не должна была чувствовать.

— Потому что тебе плевать на меня, — заканчиваю я. — Ты делаешь это по обязанности. Присматриваешь за невестой брата. Так почему бы не помочь мне окончательно? Разрушить эту свадьбу?

Он усмехается. Медленно. Опасно.

— Плевать на тебя, — повторяет он. — Ты так думаешь?

— Да.

— Ты идиотка, — бросает он. — Если бы мне было плевать, я бы не привез тебя сюда. Не рассказывал о своей жизни. Не сидел бы с тобой, слушая твои мечты. Мое сердце пропускает удар.

— Тогда почему ты остановился? — спрашиваю я тихо.

Он смотрит на меня долго. Очень долго.

— Потому что ты не знаешь, чего просишь, — говорит он, наконец. — Ты девственница, Зарина. Восемнадцать лет. Ты даже не целовалась раньше, я прав?

Я краснею, отводя взгляд.

— Откуда, ты знаешь?

— Потому что чувствую, — его голос становится мягче. — Ты целовалась неумело. Робко. Пока я не взял контроль.

Жар заливает щеки сильнее.

— И что с того? — огрызаюсь я. — Все когда-то бывает впервые.

— Да, — он кивает. — Но первый раз не должен быть таким. В грязной беседке, с женщиной, который намного старше тебя...

— Мне плевать на романтику! — взрываюсь я. — Мне нужен способ избежать брака с твоим братом! И если для этого нужно... нужно...

Я не могу договорить, потому что реальность того, что я предлагаю, внезапно накрывает меня.

Секс. Я предлагаю ему секс.

Первый секс в моей жизни.

С мужчиной, которого я едва знаю.

Который является братом моего жениха.

Что я творю?

Шамиль видит сомнение на моем лице. Усмехается.

— Начинаешь понимать, как это безумно?

— Я не... я просто... — я сжимаю кулаки. — У меня нет выбора!

— Всегда есть выбор, — говорит он.

— Тогда дай мне другой! — кричу я. — Скажи, как еще я могу избежать этой свадьбы! Как?!

Он смотрит на меня долго. Очень долго.

Потом начинает смеяться.

Не добрым смехом. Темным, с оттенком истерики.

— Ты серьезно? — спрашивает он, качая головой. — Зарина, ты что, вообще понимаешь, что говоришь?

— Прекрасно понимаю, — отвечаю я, и голос дрожит. — Если я потеряю невинность, Азамат не захочет на мне жениться. Он откажется. Свадьба сорвется.

Шамиль перестает смеяться. Делает шаг назад, проводит рукой по лицу.

— Боже, — бормочет он. — Ты действительно так отчаянна.

— Да! — кричу я. — Я отчаянна! Потому что через две недели меня выдают замуж за человека, которого я не знаю! Не люблю! Не хочу!

— Азамат не так плох, — говорит он, и в голосе что-то натянутое. — Он... он молодой, успешный. У него вся жизнь впереди. Он даст тебе все, что нужно.

— Все, кроме свободы, — бросаю я.

— Свобода — переоцененная вещь, — он отворачивается, идет к краю беседки, смотрит на воду. — Иногда обязательства важнее.

Я подхожу к нему, встаю рядом.

— Ты правда так думаешь? Или просто пытаешься убедить себя?

Он молчит.

— Шамиль, пожалуйста, — моя рука тянется к его плечу, но он уклоняется. — Помоги мне. Это единственный способ. Единственный.

— Нет, — говорит он жестко, разворачиваясь ко мне. — Нет, Зарина. Я не сделаю это.

— Почему?! — в моем голосе отчаяние.

— Потому что это неправильно! — он повышает голос. — Потому что ты — невеста моего брата! Потому что это предательство! Потому что после такого не будет пути назад!

— Мне плевать на пути назад!

— А мне нет! — рычит он. — У меня есть семья! Репутация! Бизнес! Я не могу просто взять и разрушить все это!

Я смотрю на него, и что-то внутри ломается.

— Трус, — шепчу я. — Ты обычный трус.

Его лицо каменеет.

— Что ты сказала?

— Ты слышал, — я поднимаю подбородок. — Ты говоришь о свободе, о том, что традиции устарели. Но когда дело доходит до действий — ты прячешься за своими обязательствами. За семьей. За репутацией.

— Зарина...

— Любой мужик согласился бы на мое предложение, — продолжаю я, и слова льются сами, злые, обидные. — Девственница, которая сама просит. Но ты? Ты боишься. Боишься папочки. Боишься братика. Боишься последствий.

Его глаза темнеют опасно.

— Осторожнее, — предупреждает он тихо. — Не говори того, о чем пожалеешь.

— Я уже жалею! — кричу я. — Жалею, что поцеловала тебя! Жалею, что попросила о помощи! Ты такой же, как все они! Думаешь только о себе!

Тишина падает между нами — тяжелая, холодная.

— Пошли, — говорит он, наконец. — Отвезу тебя домой.

— Не надо...

— Я сказал, пошли.

Он идет к машине. Я следую за ним, сжав кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони.

Мы садимся в машину. Едем обратно в абсолютном молчании.

Но это молчание совсем другое. Холодное. Злое. Обиженное с обеих сторон.

— Знаешь что, — говорю я, когда мы уже почти в городе, — может, ты и прав. Может, Азамат не так плох. По крайней мере, он честен. Он не притворяется, что ему есть дело до меня.

Шамиль сжимает руль сильнее.

— А я притворяюсь?

— Да, — бросаю я. — Привез меня в то красивое место. Рассказывал о себе. Целовал. Заставил поверить, что тебе не все равно. А потом отказался помочь, когда я попросила.

— Я отказался переспать с тобой, — он бросает на меня быстрый взгляд. — Потому что это было бы использованием тебя. Потому что у тебя нет опыта. Потому что ты не понимаешь, что просишь.

— Ты не знаешь, что я понимаю, а что нет!

— Знаю! — он резко тормозит у обочины, разворачивается ко мне. — Ты думаешь, что секс — это просто физический акт. Средство для достижения цели. Но это не так! Особенно первый раз! Особенно для девушки!

— И что с того?!

— То, что ты пожалеешь! — его голос гремит в салоне. — Ты пожалеешь, что твой первый раз был с мужчиной, которого ты едва знаешь! В котором ты не уверена! Которого просила из отчаяния!

Я смотрю на него, и внезапно понимаю.

— Ты боишься не последствий, — говорю я тихо. — Ты боишься, что я пожалею. Что обвиню тебя.

Он отворачивается, но я вижу, как напрягается его челюсть.

— Поехали, — бросает он, трогаясь с места. — Уже поздно.

Остаток пути проходит в молчании.

Он подъезжает к моему дому, паркуется в тени.

— Спасибо за поездку, — говорю я холодно, выходя из машины.

Он не отвечает.

Я иду к дому, не оглядываясь. Слышу, как он уезжает. Двигатель ревет громче обычного.

Открываю дверь, и застываю в проходе.

В гостиной сидит отец.

Он поднимает голову, когда я вхожу, и лицо его суровое.

— Где ты была? — спрашивает он.

Сердце замирает. Я пытаюсь выглядеть спокойной.

— Ездил с Шамилем, — говорю я, надеясь, что голос звучит ровно. — За махром. Оказалось, нужно было докупить еще несколько вещей.

Отец смотрит на меня долго. Оценивающе.

— Так поздно?

— Ну... потом он повез меня поужинать. Сказал, что так положено. Невеста должна быть накормлена до свадьбы.

Это звучит идиотски, но я не могу придумать ничего лучше.

Отец, кажется, верит. Его лицо смягчается.

— Шамиль — хороший человек, — говорит он. — Ответственный. Жаль, что не он женится на тебе.

Эти слова, как удар в живот.

— Почему жаль? — спрашиваю я тихо.

— Потому что он старше. Серьезнее. Он бы позаботился о тебе лучше, — отец вздыхает. — Но договор есть договор. Ты выходишь за Азамата.

Он встает, подходит ко мне. Кладет руки на мои плечи.

— Дочка, — говорит он, и в голосе непривычная мягкость. — Я знаю, что ты боишься. Все девушки боятся перед свадьбой. Но Азамат — хороший мальчик. Из уважаемой семьи. Ты будешь жить в достатке. Родишь детей. Будешь счастлива.

Я хочу закричать, что не буду. Что это неправда. Что я никогда не буду счастлива с Азаматом.

Но молчу. Просто киваю.

— Будь послушной женой, — продолжает отец. — Уважай мужа. Слушайся его. Веди дом. И все будет хорошо. Понимаешь?

— Да, отец, — шепчу я.

Он целует меня в лоб, отпускает.

— Иди. Отдыхай. Впереди много дел по подготовке.

Я поднимаюсь в свою комнату, закрываю дверь. Падаю на кровать лицом в подушку.

Слезы наворачиваются, но я не плачу. Просто лежу, чувствуя, как стены смыкаются вокруг меня все теснее.

Через полчаса в дверь стучат тихо.

— Зарина? — голос мамы. — Можно войти?

— Да, — отвечаю я, садясь на кровати.

Мама входит с подносом — чай, печенье. Ставит на тумбочку, садится рядом со мной на кровать.

— Дочка, — начинает она мягко. — Нам нужно поговорить.

О нет.

— О чем, мама?

— О свадьбе. О... первой ночи, — она смущается, отводит взгляд. — Я должна тебя подготовить.

Боже.

— Мама, не надо...

— Надо, — она берет мою руку. — Ты должна знать, чего ожидать. Как себя вести.

И она начинает рассказывать. О брачной ночи. О том, что будет больно в первый раз. Что нужно быть покорной, не сопротивляться. Что муж имеет право на жену. Что это обязанность женщины — удовлетворять мужа.

Я слушаю, и мне становится дурно.

— Мама, — перебиваю я. — Я не хочу замуж.

Она вздыхает, как будто ожидала этого.

— Зарина, хватит капризничать...

— Это не каприз! — взрываюсь я. — Я, правда, не хочу! Не хочу за Азамата! Не хочу эту жизнь!

Мама смотрит на меня, и впервые я вижу в ее глазах не понимание, а раздражение.

— Чего ты хочешь?! — повышает она голос. — Ты выходишь замуж в восемнадцать лет! В отличную семью! Две состоятельные семьи породнятся! У тебя будет молодой, успешный муж! Красивая жизнь! Дети! Что еще тебе надо?!

— Свободы, — шепчу я. — Выбора.

— Свобода? — она фыркает. — Свобода — это иллюзия. У всех есть обязанности. Ты — женщина. Твоя обязанность — выйти замуж, родить детей, вести дом. Это твое предназначение.

Я смотрю на нее и вижу: она действительно так считает. Для нее это правда.

Вопрос срывается с языка прежде, чем я успеваю подумать:

— Мама, а что если... что если девушка потеряла невинность? До свадьбы?

Мама замирает. Смотрит на меня с шоком.

— Что?

— Ну, теоретически, — я стараюсь говорить ровно. — Что если окажется, что невеста не девственница?

— Зарина! — мама охает, прижимает руку к груди. — Что за вопросы?! Это... это грех! Страшный грех! Аллах не простит!

— Но что будет? — настаиваю я. — С девушкой? С семьей?

Мама встает, начинает ходить по комнате.

— Позор, — говорит она. — Ужасный позор. Семью опозорят на всю общину. Девушку никто никогда не возьмет в жены. Ее назовут шлюхой. Жизнь будет разрушена. Родители... — она качает головой. — Родители не переживут такого.

— Но если она потеряла невинность не по своей воле? — спрашиваю я. — Если...

— Не имеет значения! — обрывает мама. — Невинность — это самое ценное, что есть у девушки! Это ее честь! Честь семьи! Потерять ее до свадьбы — все равно что умереть!

Она подходит ко мне, хватая за плечи.

— Зарина, почему ты спрашиваешь об этом? — в ее голосе паника. — Ты... ты же не... скажи, что ты не...

Я смотрю на нее. На ее испуганное лицо. На страх в глазах.

И что-то во мне ломается.

Может, это отчаяние. Может, злость на весь мир. Может, просто усталость от лжи.

— Мама, — говорю я тихо. — Я потеряла невинность.

Глава 7.

Зарина.

Мама сидит на кровати, раскачивается, и я жду взрыва. Жду, когда она побежит к отцу, когда начнется скандал, когда мой мир окончательно рухнет.

Но она не бежит.

Она сидит, качается, шепчет что-то себе под нос. Молитвы. Проклятия. Я не различаю.

Потом резко встает. Начинает ходить по комнате — быстро, нервно, как загнанный зверь.

— Нет, — бормочет она. — Нет, нет, нет. Этого не может быть. Не должно быть.

— Мама... — начинаю я.

— Заткнись! — шипит она, не останавливаясь. — Дай мне подумать. Мне нужно подумать.

Я сижу на кровати, смотрю, как она мечется. Внутри все холодеет. Я ждала гнева. Истерики. Немедленного доноса отцу.

Но не этого.

Она останавливается резко, разворачивается ко мне.

— Ты точно? — спрашивает она, и голос жесткий. — Ты точно больше не девственница? Или... может, ты ошибаешься?

Я моргаю от неожиданности.

— Я... да, точно.

Ложь застревает в горле, но я не могу остановиться. Уже поздно. Слова сказаны.

Мама закрывает глаза, глубоко дышит. Раз. Два. Три.

Когда открывает глаза снова, в них решимость.

— Хорошо, — говорит она. — Тогда вот что мы сделаем.

— Что? — шепчу я.

Она подходит, садится рядом, берет мои руки в свои.

— Никто не должен узнать, — говорит она жестко. — Ты слышишь меня? Никто. Ни отец. Ни жених. Никто.

Я смотрю на нее, не понимая.

— Но... как?

— Есть способы, — она сжимает мои руки сильнее. — В первую брачную ночь... ты можешь... — она запинаясь, краснеет. — Есть способы симитировать кровь. Можно порезаться. Незаметно. Или... есть специальные капсулы. Их вставляют... туда. Они лопаются и...

Я слушаю, и мне становится дурно.

— Ты серьезно?

— Очень, — ее лицо как камень. — Твой муж не должен знать. Простыню покажут родственникам утром. Если там будет кровь — все хорошо. Честь сохранена. Никто ничего не узнает.

— Мама... — я вырываю руки. — Ты хоть понимаешь, что говоришь?! Это... это обман!

— Это спасение! — она повышает голос. — Твое спасение! Нашей семьи спасение! Если узнают правду — мы все погибнем! Отца опозорят! Меня назовут плохой матерью! Тебя... — она качает головой. — Тебя вообще никто никогда не возьмет в жены. Ты станешь изгоем. Поняла?

Я смотрю на нее, и что-то внутри сжимается.

Она даже не спросила. Не спросила, с кем это случилось. Как. Почему. Было ли это по моей воле.

Ей все равно.

Все равно, что со мной произошло. Главное — сохранить честь семьи. Скрыть позор.

— С кем? — спрашиваю я тихо. — Ты даже не спросила, с кем я...

— Мне не нужно знать! — обрывает она. — Чем меньше я знаю, тем лучше! Главное — чтобы никто никогда не узнал!

Она встает, идет к двери. У порога оборачивается.

— Завтра приедет семья жениха. Отцы будут обсуждать детали свадьбы. Ты будешь улыбаться. Вести себя, как положено. Никаких истерик. Никаких сцен. Поняла?

Я не отвечаю.

— Зарина! — она повышает голос. — Я спросила, поняла?!

— Да, — шепчу я. — Поняла.

Она кивает и выходит. Дверь закрывается за ней тихо, но для меня этот звук как выстрел.

Я остаюсь сидеть на кровати, смотрю в пустоту.

Ее слова крутятся в голове, как заевшая пластинка.

Сымитировать. Обмануть. Скрыть.

Это все, что имеет значение. Не я. Не моя боль. Не моя жизнь.

Честь семьи. Репутация. Традиции.

Я встаю, подхожу к окну. Смотрю на темный двор, на огни города вдали.

Где-то там Шамиль. Наверное, спит. Даже не знает, что я натворила. Что солгала. Что мир рушится.

А я стою здесь и понимаю: весь мир против меня.

Что бы я ни делала — все равно ведет к этой проклятой свадьбе.

Я пыталась сбежать — меня поймали.

Я предложила себя Шамилю — он отказался.

Я солгала о потере невинности — мать нашла способ скрыть это.

Нет выхода.

Совсем нет.

Я прислоняюсь лбом к холодному стеклу, закрывая глаза.

Через две недели я стану женой Азамата.

И ничто не может это остановить.

Следующее утро начинается с суеты.

Мама врывается в мою комнату в семь утра, дергает меня с кровати.

— Вставай! — командует она. — Сегодня приедет семья жениха! Нужно навести порядок! Приготовить угощение!

Я поднимаюсь, как в тумане. Душ. Одежда. Платок. Все механически.

В зеркале смотрит на меня незнакомка. Бледная. С темными кругами под глазами. С пустым взглядом.

— Зарина, ты меня слышишь? — голос мамы врывается в мои мысли.

— Да, мама.

— Помоги на кухне. Нужно накрыть стол.

Я спускаюсь вниз. Дом в движении — мама на кухне готовит, отец в гостиной расставляет мебель.

Все, как обычно, будто вчерашнего разговора не было.

Мама не сказала отцу. Держит это в секрете, как и обещала.

Я на кухне режу овощи, когда слышу звук машин во дворе.

— Приехали! — кричит отец из гостиной. — Все на места!

Мама вытирает руки, поправляет платок, разглаживает платье.

— Зарина, — шипит она. — Улыбайся. И молчи, если не спрашивают.

Я киваю.

Входная дверь открывается. Голоса мужчин — громкие, веселые. Отец Азамата, Омар Алиев. С ним еще двое мужчин — видимо, родственники.

И Шамиль.

Я вижу его через проем двери кухни. Высокий. В темном костюме. Серьезный.

Наши взгляды встречаются через комнату.

И все внутри сжимается.

Он смотрит на меня... странно. Не так, как обычно. Взгляд тяжелый, оценивающий, и что-то еще. Что-то темное.

Я отворачиваюсь первой, возвращаюсь к нарезке овощей. Руки дрожат. Нож едва не выскальзывает.

Вчерашний поцелуй всплывает в памяти. Его губы на моих. Его руки на моем теле. Жар, который разливался внутри.

Стоп.

Я не должна об этом думать.

Мужчины проходят в гостиную. Мама несет поднос с чаем. Я следую за ней с тарелкой сладостей.

Ставлю тарелку на стол, стараясь не смотреть ни на кого. Но чувствую взгляд Шамиля. Жгучий. Пронзительный.

— Зарина! — отец Азамата улыбается мне. — Как ты выросла! Красавица! Азамат счастливчик!

Я натягиваю улыбку.

— Спасибо, дядя Омар.

— Где сам жених? — спрашивает мой отец.

— Азамат скоро приедет, — отвечает Омар. — Задержался по делам. Но Шамиль здесь. Представляет семью.

Все взгляды обращаются на Шамиля. Он кивает, не улыбаясь.

— Давайте обсудим детали, — говорит мой отец. — Свадьба через две недели. Нужно решить вопросы с рестораном, количеством гостей...

Они начинают обсуждать. Я стою в стороне, как положено девушке. Молчу. Жду, когда меня отпустят.

Но взгляд Шамиля не отпускает меня.

Каждый раз, когда я осмеливаюсь взглянуть в его сторону, он смотрит на меня. Не отрываясь. Будто пытается прочесть мысли.

Будто знает, что что-то не так.

— Зарина, принеси еще чаю, — говорит мама.

Я благодарна за возможность сбежать. Иду на кухню, ставлю чайник на плиту.

Стою, опершись на столешницу, пытаюсь успокоить дыхание.

— Привет, — голос за спиной.

Я дергаюсь, разворачиваюсь.

Шамиль стоит в дверях кухни. Руки в карманах. Лицо непроницаемое.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я.

— Хотел воды, — он проходит внутрь, закрывает дверь за собой.

Мы остаемся вдвоем. В маленькой кухне. Слишком близко друг к другу.

Он подходит к столу, наливает себе воду из кувшина. Пьет медленно, не сводя с меня глаз.

— Ты странно выглядишь, — говорит он, наконец.

— Спасибо за комплимент, — огрызаюсь я.

— Не спала?

— Спала.

— Врешь.
Я отворачиваюсь, проверяю чайник. Вода еще не закипела.
— Зарина, — его голос становится мягче. — О чем ты думаешь?
— О том, как сорвать эту свадьбу, — отвечаю я, не оборачиваясь.
Слышу, как он вздыхает.
— Не сорвешь.
— Сорву, — разворачиваюсь к нему. — Я буду бороться до конца. До последней секунды.
Он ставит стакан на стол. Делает шаг ближе.
— Я не позволю тебе этого сделать.
— Ты не можешь меня остановить.
— Могу, — еще шаг. Теперь между нами метр. — И остановлю.
— Я расскажу про поцелуй, — выпаливаю я отчаянно. — Всем расскажу. Что ты целовал меня вчера. Что ты нарушил все правила. Твою семью тоже опозорят.
Я жду реакции. Гнева. Страха. Чего угодно.
Но он просто усмехается.
— Свидетелей нет, — говорит он спокойно. — Это будет твое слово против моего. И кому поверят? Уважаемому бизнесмену? Или девушке, которая уже пыталась сбежать от свадьбы?
Я замираю.
— Ты...
— Все уже знают, что ты не хочешь замуж, Зарина, — он наклоняется ближе. — Что ты делала все, чтобы сорвать это. Так что если ты начнешь рассказывать про какой-то поцелуй... скажут, что ты выдумала. Очередная попытка избежать свадьбы.
Он прав. Черт бы его побрал, но он прав.
— Ты ублюдок, — шепчу я.
— Может быть, — он пожимает плечами. — Но я делаю то, что должен. Обеспечиваю, чтобы свадьба состоялась. Это моя обязанность.
— А что насчет вчерашнего? — спрашиваю я. — У той реки? Когда ты рассказывал мне о себе? Когда целовал меня, как будто я что-то значу? Это тоже обязанность?
Что-то темное мелькает в его глазах.
— Вчера я был слаб, — говорит он тихо. — Поддался... импульсу. Но сегодня я пришел в себя. И я не позволю тебе разрушить то, что строилось двадцать лет.
— Значит, тот поцелуй ничего не значил, — констатирую я, и голос дрожит. — Для тебя.
Он смотрит на меня долго. Очень долго.
— Не говори того, в чем не уверена, — говорит он, наконец.
— Тогда что он значил?!

Вместо ответа он делает последний шаг. Оказывается так близко, что я чувствую тепло его тела.

— Он значил, — говорит он низким голосом, — что я такой же слабый человек, как и все остальные. Что я могу хотеть того, чего не должен хотеть. Но разница между мной и тобой в том, что я умею контролировать свои желания.

Его взгляд скользит по моему лицу, останавливается на губах.

— А ты нет.

Я чувствую, как по коже бегут мурашки. Дыхание учащается.

— Что ты имеешь в виду?

Он наклоняется еще ближе. Губы у самого моего уха.

— То, что ты хочешь меня, — шепчет он, и голос обжигает. — Прямо сейчас. Здесь. На этой кухне. Несмотря на то, что в соседней комнате сидят наши отцы. Несмотря на то, что ты должна выйти замуж за моего брата.

— Я не... — начинаю я, но голос срывается.

— Врешь, — он отстраняется, смотрит мне в глаза. — Я вижу это. Твое дыхание. Твои зрачки. То, как ты кусаешь губу. Ты хочешь меня так же сильно, как я хочу тебя.

Мое сердце колотится так громко, что я уверена — он слышит.

— Но разница, — продолжает он, отступая, — в том, что я не поддамся этому. Потому что я знаю цену своих действий. Знаю, что будет после. А ты живешь импульсами. Эмоциями. Без мыслей о последствиях.

Он идет к двери. У порога оборачивается.

— Свадьба состоится, Зарина. Нравится тебе это или нет. И я прослежу за этим лично.

Он выходит. Дверь закрывается за ним тихо.

А я остаюсь стоять у плиты, и руки дрожат так сильно, что я хватаюсь за столешницу.

Он прав.

Я хочу его. Боже, как я хочу.

Даже сейчас, когда он только что сказал, что обеспечит мою свадьбу с другим.

Даже сейчас я хочу, чтобы он вернулся. Прижал меня к стене. Целовал так же жестко, как вчера.

Почему из всех мужчин в мире меня влечет к тому, кто является главным препятствием на пути к свободе?

Чайник свистит, вырывая меня из мыслей.

Я наливаю чай дрожащими руками. Несу поднос в гостиную.

Шамиль сидит рядом с отцами, обсуждает детали. Когда я вхожу, он даже не смотрит на меня. Полностью игнорирует.

Но я чувствую напряжение в его теле. Вижу, как сжимаются его пальцы на ручке чашки.

Он чувствует то же, что и я.

Это притяжение. Опасное. Запретное. Неправильное.

Я ставлю поднос и выхожу из комнаты. Иду в свою комнату, закрываюсь.

Сажусь на кровать, обхватываю колени.

Две недели.

У меня две недели до свадьбы.

И единственный человек, который может мне помочь, отказывается это делать.

Я закрываю глаза, пытаюсь придумать новый план.

Но в голове только одно: образ Шамиля. Как он стоял надо мной на кухне. Как шептал мне на ухо. Как смотрел на мои губы.

«Ты хочешь меня так же сильно, как я хочу тебя».

Да. Хочу.

И это самое страшное.

Потому что он — враг. Тюремщик. Тот, кто ведет меня к свадьбе, которой я не хочу.

Но мое тело не понимает этого.

Оно помнит только его прикосновения. Его поцелуй. Жар, который разгорается внутри каждый раз, когда он рядом.

Я открываю глаза, смотрю в потолок.

Две недели.

Я должна что-то придумать.

Потому что если не придумаю, то стану женой Азамата.

И всю оставшуюся жизнь буду жалеть об одном: что не была достаточно смелой, чтобы бороться за свою свободу.

Опасная мысль закрадывается в голову.

Может, есть способ использовать это притяжение. Заставить его сдаться. Соблазнить его.

Если он переспит со мной — свадьба действительно сорвется. Азамат узнает. Семья узнает.

Да, будет скандал. Позор. Разрыв семей.
Но свадьбы не будет.
Я встаю с кровати, подхожу к зеркалу.
Смотрю на свое отражение.
Восемнадцать лет. Девственница. Без опыта.
Как я могу соблазнить мужчину, который намного меня старше? Который наверняка был
с сотнями женщин?
Но я видела его взгляд сегодня на кухне. Видела желание в его глазах. Напряжение в теле.
Он хочет меня. Это правда.
Просто контролирует себя.
Вопрос: как заставить его потерять контроль?
Я усмехаюсь своему отражению.
План безумный. Опасный. Может разрушить все.
Но у меня больше нет выбора.
Две недели до свадьбы.
Две недели, чтобы соблазнить Шамиля Алиева и разрушить этот чертов договор раз и
навсегда.
Я ложусь на кровать, закрываю глаза.
И впервые за много дней на губах появляется настоящая улыбка.
Игра началась.
И на этот раз я не собираюсь проигрывать.

Глава 8.

Шамиль.

Возвращаюсь домой, и все, о чем могу думать, — это Зарина на той кухне. Как она стояла у плиты, пытаясь выглядеть невозмутимой, хотя я видел, как дрожали ее руки. Как участилось ее дыхание, когда я приблизился. Как расширились зрачки, когда я прошептал ей на ухо.

«Ты хочешь меня так же сильно, как я хочу тебя»

Правда. Чистая, неприкрытая правда.

И самое опасное — я хочу ее сильнее с каждым чертовым днем.

Въезжаю в ворота, паркуюсь. Вхожу в дом, и первое, что вижу, — Азамат на моем кожаном диване в гостиной. С ногами на журнальном столике. С бокалом моего виски в руке. Смотрит какое-то шоу по телевизору, и хохочет.

Как будто у него нет ни одной проблемы в мире.

Что-то внутри меня взрывается.

— Охуел совсем? — бросаю я, захлопывая дверь так, что она грохает.

Азамат вздрагивает, оборачивается. Видит мое лицо, и морщится.

— Привет, братишка. Как прошла встреча?

— Как прошла встреча? — повторяю я, подходя ближе. — Серьезно? Это все, что ты можешь сказать?

Он пожимает плечами, делает глоток виски.

— А что я должен сказать?

— Может, спросить, почему я целый день решал твои проблемы, пока ты сидел здесь на жопе ровно? — я выхватываю пульт, выключаю телевизор.

— Эй!

— Сколько можно, Азамат?! — я повышаю голос. — Ты обещал вернуться к отцу! Раньше! Специально свадьбу перенесли, чтобы ты успел! А ты каждый вечер треплешь ему по телефону про свою сессию, сидя у меня на диване, сжирая мою еду!

Он ставит бокал на стол, встает.

— Я не могу к отцу. Пока. Он задаст вопросы.

— Вопросы?! — я смеюсь зло. — Конечно, задаст! Потому что ты вылетел из универа! Потому что ты обосрался на всю голову!

— Я не вылетел, — бросает он, и в голосе появляется защитная нотка.

— Что?

— Я уладил вопрос с сессией, — он отворачивается, идет к бару, наливает себе еще виски. — Заплатил. Экзамены пересданы. Все чисто.

Я замираю.

— Заплатил? Откуда у тебя деньги? Я думал, ты влез в долги.

Он пьет, не встречаясь со мной взглядом.

— Нашел.

— Азамат. Откуда. Деньги.

Пауза. Долгая. Тяжелая.

Потом он разворачивается, и на лице усмешка — наглая, самодовольная.

— Из твоего сейфа.

Мир останавливается.

— Что ты сказал?

— Я взял наличные из твоего сейфа, — повторяет он спокойно. — В кабинете. Шифр элементарный, кстати. Дата рождения мамы. Совсем не оригинально.

Я смотрю на него, не веря своим ушам.

— Ты... ты украл у меня деньги?

— Не украл, — он морщится. — Взял в долг. Верну после свадьбы. Когда отец даст свадебный подарок. Знаешь, как он любит одаривать молодоженов. Получу свою долю, и сразу верну тебе.

— Сколько? — спрашиваю я тихо. Опасно тихо.

— Ну... — он мнетя. — Тысяч пятьдесят.

— ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ?! — я взрываюсь. — Ты украл у меня пятьдесят тысяч долларов?!

— Я же сказал, верну!

— Ты охренел?! — я подхожу к нему, хватаю за грудки. — Ты залез в мой дом! В мой сейф! Украл мои деньги! И сейчас стоишь тут, как ни в чем не бывало, пьешь мой виски?!

— Отпусти, — он пытается вырваться, но я держу крепко.

— Я решаю твои проблемы! — рычу я ему в лицо. — Таскаюсь с твоей невестой! Охраняю ее, как проклятую! Вожу по магазинам! Слушаю бред отца о традициях! А ты?! Ты сидишь здесь, жрешь мою еду, пьешь мой алкоголь и еще блять ВОРУЕШЬ МОИ ДЕНЬГИ!

— Я верну! — кричит он.

— МНЕ ПЛЕВАТЬ! — я отталкиваю его так, что он шатается. — Ты — вор! Обычный жалкий вор!

Азамат выпрямляется, поправляет рубашку. На лице гнев.

— Ты мне не судья, — бросает он. — Я твой брат. Моя проблема — твоя проблема. Так всегда было в нашей семье.

— Твоя проблема стала моей, когда ты сделал меня няней своей невесты! — парирую я.

— А на хрен вообще ее охранять?! — взрывается он. — Отец совсем рехнулся! Девка никуда не денется! Она невеста! Свадьба назначена! Что она сделает?!

— Она пыталась СБЕЖАТЬ! — кричу я. — В аэропорту! С поддельным паспортом! Она НЕ ХОЧЕТ этой свадьбы!

Азамат смотрит на меня секунду. Потом начинает смеяться.

— Серьезно? Она пыталась сбежать? — он качает головой. — Дура. Ну и дура. Куда она денется? Далеко не убежит. Найдем. Вернем. Все равно выйдет замуж.

Что-то во мне окончательно ломается при этих словах.

— Ты так о ней говоришь, — говорю я медленно. — О своей будущей жене. Как о вещи. О собственности.

— А кто она? — он пожимает плечами. — Невеста по договору. Родит детей, будет вести дом. Стандартный набор. Чего она хочет — меня не волнует.

— Меня волнует, — вырывается у меня.

Он замирает. Смотрит на меня с удивлением.

— Что?

— Меня. Волнует, — повторяю я. — Что она чувствует. Чего хочет. Как страдает от этого чертового договора.

На лице Азамата появляется понимание. Потом усмешка. Противная, знающая.

— О-о-о, — протягивает он. — Вот оно что. Братишка проникся к невесте. Как мило.

— Заткнись.

— Не, правда, — он подходит ближе, и в глазах насмешка. — Ты что, запал на нее? На Зарину? Seriously?

— Я сказал, заткнись.

— Ты ж знаешь, что через две недели она будет в моей постели? — продолжает он, и голос становится мерзким. — Подо мной. Кричать мое имя. Не твое. Мое.

Я сжимаю кулаки так сильно, что хрустят кости.

— Осторожнее, — предупреждаю я.

Но он не останавливается. Видимо, алкоголь развязал язык.

— Интересно, какая она? — усмехается он. — Девственница же. Наверное, зажатая. Боится всего. Ничего не умеет. Ну ничего, научу. Быстро научу, как удовлетворять мужа. У меня опыта хватает.

— ЗАТКНИСЬ! — рычу я.

Но он продолжает, и каждое слово как удар ножом.

— Хотя, знаешь что? — он наклоняется ближе, голос падает до непристойного шепота. — Может, даже интересно будет. Молодая, неопытная, девственная. Спротивляться будет в первую ночь. Плакать, наверное. Но ничего, потерпит. Все терпят. Это ее обязанность, как жены. А я... — он усмехается. — Я получу свое. И не раз. У нас же детей рожать надо. Много детей. Так что придется стараться. Каждую ночь. Может, и днем иногда. Когда захочу.

Всё.

Я срываюсь.

Хватаю его за горло, прижимаю к стене так сильно, что его ноги едва касаются пола.

— Еще. Одно. Слово, — шиплю я, и голос мой ледяной. — Еще одно гребаное слово о ней — и я тебя убью. Слышишь? УБЬЮ.

Азамат хрипит, хватается за мою руку, пытается ослабить хватку.

— Братишка... не... не могу дышать...

— ПЛЕВАТЬ! — я прижимаю сильнее. — Ты не достоин ее! Слышишь?! Ты мерзкий, эгоистичный, безмозглый придурок! Ты погубишь ее! Разрушишь все, что в ней есть живого!

— Шамиль... пожалуйста...

Я разжимаю руку. Он падает на пол, кашляет, хватается за горло.

А я стою над ним, тяжело дышу, и ярость кипит внутри.

— Убирайся, — говорю я тихо. — Из моего дома. Сейчас.

— Что? — он смотрит на меня снизу вверх.

— Я сказал, убирайся. Возвращайся к отцу. Рассказывай ему свои сказки про сессию. Но из моего дома ты съезжаешь. Сегодня.

— Шамиль, да ладно тебе...

— СЕЙЧАС ЖЕ! — рычу я.

Он медленно встает, потирает горло. Смотрит на меня с обидой и... страхом?

— Ты чокнулся, — бормочет он. — Совсем чокнулся из-за какой-то девчонки.

— Она не какая-то девчонка, — отвечаю я. — Она лучше, чем ты когда-либо будешь. И она не заслуживает такого мужа, как ты.

Азамат хватается за свою куртку, рюкзак.

— Знаешь что, братишка? — бросает он от дверей. — Женись на ней сам, раз так переживаешь. А мне, честно? Похер. Одной бабой больше, одной меньше. Мне отец других найдет.

Он хлопает дверью, уходит.

Я остаюсь стоять в гостиной, слышу, как он садится в такси, как машина уезжает.

И только сейчас понимаю, что натворил.

Я чуть не задушил родного брата.

Из-за девушки.

Из-за Зарины.

Иду в кабинет, падаю в кресло за столом. Голова раскалывается. Слова Азамата эхом отдаются в голове.

«Она будет в моей постели. Под мной. Кричать мое имя».

«Спротивляться будет. Плакать. Но ничего, потерпит»

«Придется стараться. Каждую ночь».

Ярость накаывает снова, такая сильная, что я хватаю стакан со стола и швыряю в стену. Он разбивается вдребезги.

Я не могу это допустить.

Не могу позволить ему прикоснуться к ней.

Но что я могу сделать? Свадьба через две недели. Договор подписан. Отцы договорились.

Я ничего не могу...

Или могу?

Рука сама тянется к телефону. Нахожу ее номер. Смотрю на экран долго.

Это безумие. Если я напишу ей... если встречу... что тогда?

Только я уже не контролирую себя. Пальцы печатают сами:

«Нам нужно встретиться. Срочно»

Отправляю, прежде чем успеваю передумать.

Ответ приходит почти мгновенно:

«Когда?»

«Сейчас. Я приеду за тобой через час. Будь готова. И тихо. Никто не должен знать»

«Куда?»

Думаю секунду.

«В место, где нас никто не найдет»

Долгая пауза. Потом:

«Хорошо»

Я убираю телефон, встаю. Иду в душ, включаю холодную воду. Стою под ледяными струями, пытаюсь охладить голову.

Но ничего не помогает.

Образ Зарины преследует меня. Как она смотрела на меня сегодня на кухне. Как дрожал ее голос. Как она стояла передо мной — гордая, непокорная, несломленная.

И образ Азамата. Его мерзкая усмешка. Его слова о том, что сделает с ней.

Нет.

Этого не будет.

Я не позволю.

Даже если для этого придется нарушить все правила.

Даже если придется разрушить семью.

Даже если придется предать брата.

Выхожу из душа, одеваюсь. Темные джинсы, черная рубашка. Выглядываю в окно — уже темно.

Хорошо. В темноте нас не заметят.

Еду к ее дому через сорок минут. Паркуюсь в том же месте, что и вчера — в тени, подальше от фонарей.

Пишу:

«Я снаружи. Выходи»

Жду, сжимая руль. Сердце колотится, как бешеное.

Что я делаю?

Куда я ее везу?

Зачем?

Но я знаю ответ.

Я везу ее туда, где мы будем одни. Где никто не помешает.

Дверь ее дома открывается. Зарина выходит — в темной одежде, с капюшоном, накинутым на платок. Быстро идет к машине, оглядывается.

Открываю ей дверь. Она садится, захлопывает ее тихо.

Мы смотрим друг на друга в темноте салона.

— Куда едем? — спрашивает она, и голос дрожит.

— Увидишь, — отвечаю, и завожу двигатель.

Выезжаю из спального района. Еду по ночному городу. Поднимаюсь в горы по знакомой дороге.

К тому месту у реки. К беседке.

Где она целовала меня.

Где вчера я отказал ей.

Но сегодня...

Сегодня все изменилось.

Потому что я больше не могу притворяться, что мне все равно.

Глава 9.

Зарина.

Мы едем по темной горной дороге, и я не могу избавиться от ощущения нереальности происходящего. Шамиль молчит, сжимает руль, смотрит вперед. Профиль его лица освещен приборной панелью — жесткий, напряженный. Челюсть сжата так, что видны желваки.

Что-то случилось. Что-то изменилось.

Когда пришло его сообщение час назад, сердце екнуло. Страх? Надежда? Я до сих пор не знаю.

Я выскользнула из дома через заднюю дверь, пока родители смотрели телевизор в гостиной. Оделась во все темное, накинула капюшон поверх платка. Чувствовала себя преступницей.

Может, я и есть преступница. По их законам.

Мы сворачиваем на знакомую грунтовую дорогу. Машину подбрасывает на кочках. И вот мы снова здесь — у реки, у беседки.

То место, где я поцеловала его. Где предложила себя. Где он отказал.

Шамиль паркуется, но не глушит двигатель. Оставляет фары включенными — они освещают беседку, реку, деревья вокруг. Выходит из машины резко, хлопает дверью.

Я сижу, смотрю на него через лобовое стекло. Он стоит спиной ко мне, руки в карманах, смотрит на воду.

Что происходит?

Открываю дверь, выхожу. Ноги дрожат. Подхожу к нему медленно, останавливаюсь в нескольких метрах.

— Шамиль? — голос мой тихий, неуверенный. — Что случилось?

Он не оборачивается. Молчит.

— Зачем ты привез меня сюда? — спрашиваю я громче.

Он медленно разворачивается. Смотрит на меня, и в свете фар я вижу его лицо. Что-то темное в глазах. Что-то решительное.

— Ты хочешь избежать свадьбы? — спрашивает он жестко.

Я моргаю от неожиданности.

— Что?

— Я спросил, ты хочешь избежать этой чертовой свадьбы? — повторяет он, делая шаг ближе. — Да или нет?

— Да, — отвечаю я без колебаний. — Конечно, да. Но...

— Тогда слушай, — он подходит вплотную. — У меня есть план. Реальный план, который может сработать.

Сердце подскакивает к горлу.

— Какой план?

Он смотрит на меня долго. Потом начинает говорить, медленно, четко:

— Я пойду к твоему отцу. Завтра. И расскажу ему правду об Азамате.

— Какую правду?

— Что он не закончил университет. Что его отчислили за неуспеваемость. Что он врал нашему отцу все это время о своей учебе. Что он купил пересдачу экзаменов, а диплома у него до сих пор нет. Собственно говоря, бизнеса тоже у него нет. Отец изначально ставил условие, что перепишет на него один из своих филиалов, только в случае успешного окончания университета.

Я смотрю на него, не веря своим ушам.

— Но... но это опозорит твою семью...

— Плевать, — обрывает он. — Это факты. Это правда. И у твоего отца будет законное основание отказаться от свадьбы. Жених не соответствует тому, что было оговорено в договоре. Он не успешный студент престижного вуза. Он неудачник, который не смог даже закончить учебу. У Азамата нет тех денег, что прописаны в договоре.

— Твой отец... — начинаю я.

— Мой отец узнает правду, — продолжает Шамиль жестко. — Я сам ему расскажу. Да, будет скандал. Да, он разозлится. Но это единственный способ легально разорвать договор без позора для твоей семьи.

Я пытаюсь переварить информацию. Мысли мечутся.

— Но тогда... тогда обе семьи будут в ссоре...

— Не обязательно, — он качает головой. — Я возьму на себя ответственность. Скажу отцу, что это я настоял на раскрытии правды. Что я не мог позволить дочери его друга выйти замуж за человека, который ее обманывает. Это... это будет выглядеть, как забота о чести обеих семей.

— А Азамат?

Что-то темное пробегает по его лицу.

— Азамат получит то, что заслужил. Может быть, это наконец заставит его повзрослеть.

Я смотрю на него, и в груди распускается что-то теплое. Надежда. Реальная, осязаемая надежда.

— Это... это правда может сработать? — шепчу я.

— Может, — он кивает. — Твой отец — человек чести. Если узнает, что жених солгал о своем образовании, о своих достижениях — он сам захочет разорвать договор. Это будет его решение, не твое. Ты будешь в стороне.

— Но свидетели... как ты докажешь?

— У меня есть видеозапись, где Азамат сам признается во всем... В моем доме стоят камеры, — говорит он.

Я смотрю на него, и внезапно понимаю масштаб того, что он делает.

Он предает брата. Разрушает его репутацию. Идет против семьи.

Ради меня.

— Зачем? — спрашиваю я тихо. — Зачем ты это делаешь?

Он смотрит на меня долго. В его глазах что-то, чего я не могу прочесть.

— Потому что это правильно, — говорит он, наконец. — Потому что ты не заслуживаешь такой жизни. И потому что я больше не могу смотреть, как тебя ломают.

Что-то внутри меня взрывается. Радость. Облегчение. Благодарность.

Я кричу. Просто кричу от счастья — громко, в ночную тишину.

— ЭТО СРАБОТАЕТ! — кричу я, запрокидывая голову. — ЭТО РЕАЛЬНО МОЖЕТ СРАБОТАТЬ!

Смеюсь, кружусь на месте. Слезы текут по щекам, но я не вытираю их.

— Я буду свободна, — шепчу я, останавливаясь. — Я, правда, буду свободна.

Шамиль смотрит на меня, и на губах появляется слабая улыбка.

— Не обольщайся раньше времени, — говорит он. — Еще все может пойти не так. Твой отец может решить подождать. Или простить Азамата. Или...

— Нет, — перебиваю я. — Это сработает. Я знаю своего отца. Он гордый. Он не простит обмана. Особенно в таком деле.

Я подхожу к Шамилю, смотрю на него снизу вверх.

— Спасибо, — говорю я, и голос дрожит. — Спасибо, что... что не оказался таким черствым и бессердечным трусом, как я думала.

Его глаза темнеют.

— Что ты сказала?

— Что ты не трус, — повторяю я с вызовом. — Оказывается. Хотя вчера я так не думала.
— Осторожнее со словами, — предупреждает он низким голосом.
— А то что? — я поднимаю подбородок. — Ты же не можешь ничего мне сделать. Мы же просто... делаем правильные вещи. По твоим словам.

— Зарина...

— Хотя вчера, — продолжаю я, не в силах остановиться, — когда я просила тебя о помощи, ты сказал «нет». Назвал меня ребенком. Сказал, что я не понимаю, чего прошу. А сегодня вдруг решил стать героем. Почему? Что изменилось?

Он делает шаг вперед. Потом еще один. Нависает надо мной.

— Хочешь знать, что изменилось? — голос его опасно низкий.

— Да.

— Сегодня мой брат сказал мне, что сделает с тобой в первую брачную ночь, — шипит он, и в глазах ярость. — Какие у него планы на тебя.

Я замираю. Кровь стынет в жилах.

— Он... он говорил об этом?

— И знаешь, что я понял? Что если я отдам тебя ему — я буду соучастником. Я буду знать, что происходит. И не смогу жить с этим.

— Значит, ты делаешь это не для меня, — говорю я тихо. — Для себя. Чтобы совесть не мучила.

— Да, — рычит он. — Для себя! Потому что я эгоистичный ублюдок, который не хочет, чтобы девушка, которая... — он замолкает.

— Которая что? — толкаю я.

— Которая сводит меня с ума! — взрывается он. — Ты довольна?! Ты хотела это услышать?! Ты сводишь меня с ума с того самого момента, как я поймал тебя в аэропорту! С каждым твоим взглядом, словом, прикосновением! И я больше не могу притворяться, что мне все равно!

Воздух выбивает из легких.

— Шамиль...

— Ты назвала меня трусом? — он подходит вплотную, и я упираюсь спиной в капот машины. — Хочешь увидеть, насколько я не трус?

Его рука взлетает к моему лицу, пальцы зарываются в волосы под платком.

— Я не... — начинаю я, но он не дает договорить.

Целует меня.

Жестко. Голодно. Яростно.

Его губы накрывают мои, и мир взрывается в тысячу осколков. Я вскрикиваю прямо ему в рот, и он пользуется этим — язык вторгается, требует, завоевывает.

Его свободная рука обхватывает мою талию, поднимает меня, усаживает на капот машины. Металл теплый под моими бедрами — прогретый двигателем.

Я пытаюсь оттолкнуть его, руки упираются в его грудь, толкают. Но он не отступает. Его тело прижимается ближе, раздвигая мои колени, становясь между ними.

Он целует меня так, будто хочет поглотить. Стереть. Растворить в себе.

И мое тело сдается.

Руки, которые только что пытались оттолкнуть, теперь хватаются за его рубашку, притягивают ближе. Ноги сами обхватывают его бедра, прижимая к себе.

Я отвечаю на поцелуй — неумело, отчаянно, жадно.

Странные чувства накрывают волнами. Жар разливается по телу — от губ вниз, оседая где-то в животе, между ног. Там пульсирует, ноет, требует чего-то, чего я не понимаю.

Грудь наливается тяжестью. Соски твердеют под бюстгалтером, трутся о ткань, и каждое прикосновение, как электрический разряд.

Я стону ему в рот, и он отвечает глухим рычанием.

Его рука скользит вниз, с талии на бедро, сжимает, поглаживает. Даже через ткань джинсов я чувствую жар его ладони.

Я схожу с ума. Просто схожу с ума от этих ощущений.

Никогда раньше я не чувствовала ничего подобного. Ни от чтения книг, ни от собственных прикосновений наедине с собой.

Это другое. Совсем другое.

Это огонь. Шторм. Ураган.

Он отрывается от моих губ, и я всхлипываю от потери. Но он не уходит далеко — губы скользят по моей щеке, к уху, вниз по шее.

Целует, прикусывает, лижет кожу, и я выгибаюсь, запрокидываю голову, даю ему больше доступа.

— Зарина, — шепчет он хрипло между поцелуями. — Ты не представляешь, что делаешь со мной.

— Что? — выдыхаю я.

— Сводишь с ума, — его зубы прикусывают мочку уха, и я дергаюсь. — Каждый раз, когда смотришь на меня. Каждый раз, когда огрызаешься. Каждый раз, когда вот так стонешь.

Его рука скользит выше, к моей груди. Накрывает через рубашку, сжимает мягко.

Я вскрикиваю, выгибаюсь в его ладонь.

— Шамиль, — задыхаюсь я. — Я не... я никогда...

— Знаю, — он возвращается к моим губам, целует мягче, медленнее. — Знаю, малышка. Никто тебя никогда не трогал. Только я.

От этих слов что-то сжимается внизу живота.

Только он.

Первый. Единственный.

Его большой палец находит мой сосок через слои одежды, проводит по нему, и я стону громко — непристойно громко.

Он усмехается в поцелуй.

— Тихо, — шепчет он. — Или я не смогу остановиться.

— Может, не надо останавливаться? — слова вырываются сами.

Он замирает. Отстраняется, смотрит на меня.

В свете фар я вижу его лицо — желание, борьбу, сомнение.

— Ты не знаешь, что говоришь, — говорит он хрипло.

— Знаю, — я притягиваю его ближе за рубашку. — Я хочу...

— Нет, — он перехватывает мои руки, останавливает. — Не здесь. Не так.

— Мне все равно где...

— Мне не все равно, — он целует меня снова, коротко, жестко. Потом отстраняется окончательно, помогает мне слезть с капота.

Я стою на дрожащих ногах, пытаюсь отдышаться.

Он смотрит на меня, поправляет мой капюшон, который сполз.

— Можно считать, что наша сделка закреплена, — говорит он, и в голосе появляется усмешка. — Поехали, пока я не сделал того, о чем мы оба пожалеем.

Я сажусь в машину, все еще дрожа от его прикосновений.

Он обходит, садится за руль, заводит двигатель.

Мы едем обратно молча. Но это молчание заряженное. Полное невысказанного.

Глава 10.

Зарина.

Я выскальзываю через заднюю дверь дома так же незаметно, как и уходила час назад. Свет в гостиной все еще горит — родители не спят. Слышу приглушенные голоса телевизора. Прокрадываюсь по коридору к лестнице, поднимаюсь на цыпочках, стараясь не скрипеть ступеньками.

Только когда закрываю за собой дверь своей комнаты, и проворачиваю замок, позволяю себе выдохнуть.

И улыбнуться.

Широко. Безудержно. Так, что щеки начинают болеть.

Я свободна. Почти свободна. Завтра Шамиль расскажет моему отцу правду об Азамате, и свадьба сорвется. Официально. Законно. Без позора для меня или моей семьи.

Падаю на кровать лицом в подушку и позволяю себе тихий визг восторга. Как девочка-подросток, которая только что получила признание от любимого мальчика.

Хотя стоп.

Это не признание. Это сделка. План. Способ избежать катастрофы.

Но почему тогда мое сердце колотится так, будто я только что пережила что-то большее, чем просто обсуждение стратегии?

Переворачиваюсь на спину, смотрю в потолок, прижимаю ладони к горящим щекам.

Его поцелуй.

Боже, его поцелуй.

Как он прижимал меня к капоту. Как целовал — жадно, жестко, не давая опомниться. Как его руки касались меня через одежду, сводили с ума, заставляли стонать.

Я поднимаю руку, касаюсь своих губ пальцами. Они все еще чувствительные, слегка распухшие. Закрываю глаза, и снова ощущаю его вкус — кофе, мята, что-то горьковатое и чисто мужское.

Опускаю руку к своей шее, где он целовал, прикусывал кожу. Интересно, остались ли следы? Провожу пальцами по тому месту — чувствительно, горячо.

И вдруг ловлю запах.

Его запах.

На моей толстовке, на коже — древесный, с нотками цитруса, с оттенком чего-то пряного. Его одеколон. Его запах.

Я прижимаю ткань толстовки к лицу, вдыхаю глубоко.

И понимаю.

Я влюбляюсь.

Или уже влюбилась?

Мысль такая неожиданная, что я резко сажусь на кровати.

Нет. Нет, нет, нет.

Это не любовь. Это не может быть любовь.

У мусульман вообще не принято любить до свадьбы. Любовь приходит после — в браке, с годами, с совместной жизнью. Так говорила мама. Так говорят все.

Влюбленность до брака — это западная чушь. Грех. Искушение шайтана.

Но если это не любовь, то что?

Почему я не могу перестать думать о нем? Почему каждый раз, когда он рядом, мир сужается до его присутствия? Почему его прикосновения вызывают во мне что-то такое сильное, что я готова забыть обо всем — о приличиях, о традициях, о последствиях?

Я ложусь обратно, закрываю глаза.

Ладно. Может, это и влюбленность. Или что-то на нее похожее.

Но это неважно.

Главное — что свадьба сорвется. Я буду свободна. Может, смогу уговорить отца отпустить меня в Москву, в университет. На журфак. Осуществить свою мечту.

И там, в Москве, за тысячи километров отсюда, я забуду про эту дурацкую увлеченность Шамилем. Встречу кого-то нового. Другого. Подходящего по возрасту.

Да. Так и будет.

Это просто временное помешательство. Из-за стресса. Из-за ситуации. Из-за того, что он первый мужчина, который по-настоящему меня поцеловал.

Но потом я вспоминаю, как стонала ему в губы. Как обхватывала его ногами. Как говорила: *«Может, не надо останавливаться?»*

Краснею так сильно, что лицо горит в темноте.

Боже. Я так себя вела. Как... как распутница какая-то.

Он наверняка думает, что я легкая. Доступная. Что могу отдаться кому угодно.

Хотя нет. Он же знает, что я девственница. Что никто меня никогда не касался так.

«Никто тебя никогда не трогал. Только я»

Его слова эхом отзываются в голове, и что-то сжимается внизу живота.

Только он.

Первый.

Стоп.

Я не должна об этом думать. Не сейчас. Не когда завтра решается моя судьба.

Встаю с кровати, иду в душ. Включаю воду — горячую, почти обжигающую. Стою под струями, пытаюсь смыть его запах с кожи. Но он въелся. Или мне кажется?

Выхожу из душа, одеваюсь в пижаму, ложусь в кровать.

Сон не идет. Я лежу, смотрю в потолок, и в голове прокручиваю завтрашний день.

Шамиль придет к моему отцу. Расскажет про Азамата. Отец разозлится, потребует объяснений, может быть, позвонит отцу Азамата.

Будет скандал. Ругань. Обвинения.

Но в итоге договор расторгнут. Свадьба отменена.

Я буду свободна.

Эта мысль согревает меня, и я, наконец, засыпаю с улыбкой на губах.

Утро приходит слишком рано. Солнце бьет в окно, и я просыпаюсь от звука голосов внизу.

Мужские голоса.

Резко сажусь в кровати, прислушиваюсь.

Отец. И кто-то еще.

Сердце начинает колотиться. Это он? Шамиль?

Вскакиваю, быстро одеваюсь — джинсы, футболка, сверху толстовка, платок. Выхожу в коридор, спускаюсь по лестнице тихо.

Голоса доносятся из гостиной. Подкрадываюсь ближе, прячусь за углом, подслушиваю.

— Я понимаю, что это тяжелая новость, Гаджи, — говорит Шамиль, и голос его серьезный, формальный. — Но ты должен знать правду. Азамат не закончил университет. Его отчислили за неуспеваемость. Он лгал всем нам — отцу, тебе, всей семье.

— Это... это невозможно, — голос отца потрясенный. — Омар говорил, что Азамат отличник! Что скоро получит диплом!

— Мой отец не знал правды, — продолжает Шамиль. — Азамат скрывал это от всех. Но я узнал. И у меня есть доказательства. Видео.

Потом голос отца — гневный, потрясенный:

— Шамиль, твоего слова достаточно! – чеканит отец, сквозь зубы. — Он обманул нас! Обманул меня! Обманул мою дочь!

— Да, — соглашается Шамиль. — И я не мог позволить этому продолжаться. Договор был основан на том, что Азамат — успешный, образованный молодой человек, но это ложь. Ты имеешь полное право расторгнуть договор.

— Я... мне нужно поговорить с Омаром, — бормочет отец. — Немедленно. Как он мог...

— Отец еще не знает, — перебивает Шамиль. — Я собирался рассказать ему после разговора с тобой. Хотел дать тебе время принять решение.

— Решение?! — взрывается отец. — Какое решение?! Меня обманули! Мою семью опозорили!

В этот момент входная дверь распаивается с грохотом.

Я дергаюсь, выглядываю из-за угла.

В гостиную врываются двое мужчин — Омар Алиев, отец Азамата, и сам Азамат.

— Что здесь происходит?! — рычит Омар, и лицо его красное от гнева.

Шамиль встает, и я вижу выражение его лица — шок. Он явно не ожидал увидеть брата здесь.

— Отец? Азамат? — говорит он медленно. — Что вы здесь делаете?

— Мне позвонили, — бросает Омар. — Сказали, что ты здесь. Что ты рассказываешь какую-то чушь про Азамата. Что ты пытаешься разрушить свадьбу!

— Это не чушь, — отвечает Шамиль жестко. — Это правда. И ты бы знал ее, если бы не был таким слепым.

— Шамиль! — предупреждает Омар. — Ты забываешься!

— Нет, это ты забылся! — взрывается Шамиль. — Ты покрываешь его годами! Закрываешь глаза на его косяки! А теперь хочешь женить на ничего не подозревающей девушке, которая заслуживает лучшего!

— Я не позволю тебе разрушить этот брак! — кричит Омар.

— А я не позволю тебе разрушить ее жизнь!

Они стоят друг напротив друга, и напряжение в воздухе такое густое, что можно резать ножом.

Мой отец встает между ними.

— Остановитесь оба! — командует он. — Омар, это правда? Твой сын не закончил университет?

Омар бросает быстрый взгляд на Азамата. Тот смотрит в пол, и по его лицу понятно — правда.

— Это... временная ситуация, — бормочет Омар. — Он уже пересдал. Получит диплом. Это вопрос времени.

— Вопрос времени?! — мой отец краснеет. — Свадьба через две недели! Ты собирался женить его на моей дочери, не сказав мне, что он даже не имеет образования?!

— Образование — не самое важное, — пытается Омар. — Главное — он из хорошей семьи, обеспечен, даст ей все необходимое...

— Договор был четким! — перебивает мой отец. — Успешный молодой человек с европейским образованием! Это были твои слова! Ты обманул меня!

В этот момент Азамат делает шаг вперед.

— Дядя Гаджи, пожалуйста, — говорит он, и голос молящий. — Не расторгайте договор. Я исправлюсь. Получу диплом. Стану достойным мужем вашей дочери. Дайте мне шанс.

— Заткнись, — бросает Шамиль холодно.

Азамат оборачивается к нему.

— Что?

— Я сказал, заткнись, — повторяет Шамиль. — Ты наделал достаточно бед. Не делай хуже.

— Ты не имеешь права указывать мне! — взрывается Азамат.

— Имею, — Шамиль подходит ближе. — Потому что я твой старший брат. И потому что я устал чистить за тобой дерьмо.

— Шамиль! — предупреждает отец.

Но Шамиль не останавливается. Он разворачивается к моему отцу:

— Гаджи, ты должен знать всю правду. Азамат не просто не закончил университет. Он еще и вор. Он украл у меня деньги. Пятьдесят тысяч долларов. Чтобы купить пересдачу экзаменов.

Гробовая тишина.

— Это... это правда? — шепчет мой отец, глядя на Азамата.

Азамат бледнеет, отводит взгляд.

— Я собирался вернуть...

— Он вор, — повторяет Шамиль. — И лжец. И ты хочешь выдать за него свою дочь?

Мой отец медленно садится обратно в кресло. Лицо его серое.

— Я... мне нужно время подумать, — говорит он тихо.

— Гаджи... — начинает Омар.

— Уходите, — перебивает мой отец, не поднимая головы. — Все трое. Уходите из моего дома. Мне нужно время.

— Но свадьба...

— Через две недели никакой свадьбы не будет, — говорит отец жестко, поднимая голову. — Это я знаю точно. Нужно ли мне расторгать договор окончательно — вот о чем я должен подумать. Мой ответ будет позже.

Он встает, указывает на дверь.

— А теперь уходите. Все.

Омар хватается Азамата за руку, тащит к выходу. Шамиль задерживается на секунду, смотрит на моего отца.

— Спасибо, что выслушал, — говорит он тихо.

Отец кивает, не глядя на него.

Шамиль идет к выходу. Проходит мимо угла, где я прячусь, и наши взгляды встречаются на долю секунды.

В его глазах вопрос. Облегчение. И что-то еще, чего я не могу прочитать.

Потом он уходит. Дверь закрывается.

Я слышу, как заводятся машины, как они уезжают.

И только тогда выхожу из своего укрытия.

Отец сидит в кресле, обхватив голову руками.

— Отец? — говорю я тихо.

Он поднимает голову, смотрит на меня. В глазах усталость. Разочарование.

— Ты слышала?

— Да, — признаюсь я.

Он вздыхает тяжело.

— Прости, дочка. Я думал, что делаю лучшее для тебя. Но оказывается, я ошибался.

Я подхожу, сажусь рядом с ним на подлокотник кресла.

— Ты не виноват, отец. Тебя обманули.

— Да, — он качает головой. — Обманули. Старинная дружба, традиции, договоры... и все основано на лжи.

Он смотрит на меня.

— Мне нужно подумать, — говорит он.

Радость взрывается в моей груди, но я стараюсь не показывать этого. Делаю грустное лицо.

— Я понимаю, отец.

— Тебе, наверное, нужно... отдохнуть, — говорит папа более мягко, чем обычно. — Отвлечись. Это был тяжелый день.

— Да, — соглашаюсь я. — Может, прогуляюсь немного? Подышу воздухом?

Он кивает.

— Иди. Только недалеко. И будь дома к ужину.

Я целую его в щеку, бегу наверх. Хватаю телефон, сумку, выхожу из дома.

Иду по улице быстро, почти бегу. Внутри бурлит восторг, который я больше не могу сдерживать.

Это случилось. Реально случилось. Свадьбы не будет!

Достаю телефон, пишу Шамилю:

«Спасибо. Спасибо. Спасибо. Ты спас меня»

Ответ приходит почти сразу:

«Где ты?»

«Вышла погулять. Сказала отцу, что нужно отвлечься»

«Адрес. Сейчас»

Я отправляю ему локацию. Через пять минут его черный Мерседес паркуется рядом.

Я сажусь, и даже не успеваю закрыть дверь, как он трогается с места.

— Куда едем? — спрашиваю я.

— Не знаю, — отвечает он. — Просто ехать. Нужно быть в движении.

Мы едем по городу без цели. Мимо знакомых улиц, площадей, парков.

Телефон звонит. Мама.

Я отвечаю:

— Аллю?

— Зарина, где ты? — голос мамы встревоженный.

— Гуляю с Лейлой, — вру я быстро. — В парке. Она скоро уезжает на учебу в Москву.

Мы хотим попрощаться.

— О, — мама успокаивается. — Хорошо. Но будь дома к ужину, договорились?

— Конечно, мама.

Она вешает трубку.

Шамиль бросает на меня взгляд.

— Ловко врешь.

— Научилась, — пожимаю плечами.

Мы выезжаем из города. Я узнаю дорогу — в горы. К нашему месту.

— Расскажи, — прошу я. — Как отреагировал твой отец? После?

Шамиль усмехается горько.

— Как и ожидалось. Ярость. Обвинения. Сказал, что я предал семью. Что разрушил репутацию. Что больше не считает меня сыном.

— Шамиль... — я кладу руку на его плечо.

— Ничего, — он пожимает плечами. — Переживет. Или не переживет. Мне уже все равно.

Но я вижу напряжение в его теле. Боль в глазах.

Он пожертвовал отношениями с семьей. Ради меня.

Мы приезжаем к реке. Он паркуется, глушит двигатель.

— Голодная? — спрашивает он.

— Немного.

Он открывает багажник, достает термос, пакет с едой.

— Взял по дороге, — объясняет он. — Подумал, что нам обоим нужно поесть. Мы садимся в беседке. Он разливает чай из термоса, достает сэндвичи. Едим молча. Слушаем шум реки, шелест листьев.

— Знаешь, о чем я думаю? — говорю я, когда доедаю сэндвич.

— О чем?

— О Москве, — я улыбаюсь. — Теперь, когда свадьбы не будет, может быть, отец согласится отпустить меня учиться. Журфак. Моя мечта.

— Москва, — повторяет Шамиль, и в голосе что-то странное.

— Да. Представляешь? Я буду жить в общежитии. Ходить на лекции. Писать статьи. Путешествовать по городу. Это будет... свобода. Настоящая свобода.

Он смотрит на меня долго.

— Ты хочешь уехать отсюда? погоди радоваться. Твой отец еще не дал окончательного ответа.

— Я чувствую, что папа откажет Азамату, — говорю, но почему-то теряю уверенность. — Конечно, я хочу уехать, — киваю, отвечая на его вопрос. — Разве не об этом я мечтала все это время? Сбежать от этой жизни. От традиций. От контроля.

— И забыть про все, что было здесь, — добавляет он тихо.

Я замираю.

— Шамиль...

Он встает резко, идет к краю беседки. Стоит спиной ко мне.

— Ты права, — говорит он. — Ты должна уехать. Жить своей жизнью. Осуществить мечты.

Я подхожу к нему, встаю рядом.

— Но?

— Но я буду скучать по тебе, — говорит он, не глядя на меня. — Как идиот. Будучи взрослым мужчиной. Буду скучать по девчонке, которая выводит меня из себя.

Что-то сжимается в груди.

— Шамиль...

Он разворачивается резко, хватая меня за талию, притягивает к себе.

— Но сегодня, — шепчет он, наклоняясь ближе, — сегодня ты еще здесь. Со мной. И целует меня.

На этот раз поцелуй другой. Не яростный, как вчера. Медленный. Глубокий. Исследующий.

Его губы нежно скользят по моим. Язык проникает мягко, танцует с моим, учит, направляет.

Я отвечаю, стою на цыпочках, обхватываю его шею руками.

Он целует меня так, будто запоминает. Будто это последний раз.

Его руки на моей талии скользят вверх, к ребрам, потом замирают.

— Можно? — шепчет он между поцелуями.

— Да, — выдыхаю я.

Его ладони накрывают мою грудь через толстовку, сжимают мягко, и я стону ему в губы. Потом он углубляет поцелуй, отвлекая меня, а руки скользят под толстовку, под футболку, к голой коже.

Я вскрикиваю от контакта. Его ладони горячие на моей коже, большие, грубоватые. Они скользят вверх, к бюстгальтеру, останавливаются.

— Зарина, — голос хриплый. — Если ты хочешь остановиться — сейчас. Потому что через минуту я не смогу.

— Не останавливайся, — шепчу я.

Его пальцы находят застежку бюстгальтера спереди. Расстегивают одним движением.

И его ладони накрывают мою обнаженную грудь.

Я выгибаюсь, задыхаюсь. Это... это слишком. Слишком много ощущений.

Его большие пальцы находят соски, проводят по ним, и я чуть ли не теряю сознание от удовольствия.

— Шамиль, — стону я. — Я... я не могу...

— Можешь, — шепчет он, целуя мою шею. — Расслабься.

Он массирует мою грудь, сжимает, поглаживает, дразнит соски, и волны удовольствия накатывают одна за другой.

Колени подкашиваются. Я держусь за его плечи, чтобы не упасть.

— Шамиль... — задыхаюсь я. — Мне... мне странно...

— Что странно? — он целует за ухом.

— Внизу... там... — я краснею. — Горячо. И как будто пульсирует. И... мокро.

Он застывает. Потом издает звук — что-то среднее между стоном и рычанием.

— Блять, — шепчет он. — Ты убьешь меня. Знаешь?

— Что? — не понимаю я.

Вместо ответа он резко убирает руки, встает, идет к машине большими шагами.

Я стою, дрожа, пытаюсь понять, что случилось.

Он открывает багажник, достает что-то. Что-то похожее на туристический матрас. Разворачивает его, бросает на траву рядом с беседкой.

Потом разворачивается ко мне, и в его глазах что-то дикое.

— Я больше не могу себя контролировать, — говорит он, и голос хриплый. — Прости.

Он подходит ко мне в два шага, хватается, валит на матрас.

Я пытаюсь сопротивляться — больше от удивления, чем от страха.

— Шамиль, погоди...

Но он накрывает меня собой, и его вес прижимает к земле. Целует снова — жадно, голодно, не давая опомниться.

Его рука снова забирается под толстовку, к груди, сжимает.

Я стону, выгибаюсь.

— Вчера ты сама просила, — шепчет он между поцелуями. — Так кто из нас трус?

— Я... — задыхаюсь я. — Мне будет больно...

— Я буду аккуратным.

— Здесь нас могут увидеть...

— Здесь никого нет. Никогда не бывает.

— Холодно на улице...

— Я согрею тебя.

Он целует мою шею, спускается ниже, к ключицам, и его рука стягивает толстовку вверх.

Я паникую, хватаюсь за его руки.

— Шамиль, правда, я не готова... не здесь... не так...

Он замирает. Поднимает голову, смотрит на меня.

В его глазах борьба. Желание против контроля.

Потом он резко откатывается, встает на ноги.

— Черт, — говорит он, проводя рукой по волосам. — Мать твою, ты права.

Я сижу на матрасе, поправляю толстовку, смотрю на него снизу вверх.

Он стоит, тяжело дышит, смотрит куда-то в сторону.

Потом резко наклоняется, подхватывает меня на руки — одним движением, как будто я ничего не вешу.

— Что... что ты делаешь?! — пишу я.

— Мы едем ко мне домой, — говорит он, идя к машине. — Где есть кровать. И отопление.

И никто не помешает.

— Но...

— Никаких «но», — он открывает заднюю дверь, практически закидывает меня на сиденье. — Пристегнись.

Захлопывает дверь, обходит машину, садится за руль.

Заводит двигатель, и мы срываемся с места так резко, что меня вдавливают в сиденье.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.